

Как ловить маньяка, который уже пойман?

МАРС КЕПЛАЕР

ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

MASTER DETECTIVE

18+

ЙОНА ЛИННА И САГА БАУЭР
ВЫХОДЯТ НА ОХОТУ ВМЕСТЕ

CoRpus

Комиссар полиции Йона Линна

Ларс Кеплер

Песочный человек

«Corpus (АСТ)»

2013

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Кеплер Л.

Песочный человек / Л. Кеплер — «Corpus (АСТ)»,
2013 — (Комиссар полиции Йона Линна)

ISBN 978-5-17-104566-1

Сегодня имя Ларса Кеплера – синоним идеального скандинавского триллера. После дебютного “Гипнотизера”, ставшего международной сенсацией, мир затаив дыхание ждет каждой новой книги о приключениях стокгольмского следователя Йоны Линны. “Песочный человек” – четвертый роман этой полюбившейся читателям детективной серии. <p id="_GoBack">Полиция находит бредущего по железнодорожным путям молодого человека, едва живого от переохлаждения и легочной инфекции. В больнице выясняется, что по документам юноша уже семь лет как мертв. Его гипотетический убийца Вальтер Юрек, некогда арестованный Йоной Линной, приговорен к принудительному психиатрическому лечению и сидит в изоляторе. Новые свидетельства заставляют полицию вернуться к давно закрытому расследованию. Дело внезапно принимает опасный оборот, и если кто-то не проникнет в замыслы одержимого маньяка, очень скоро случится непоправимое.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-104566-1

© Кеплер Л., 2013
© Corpus (ACT), 2013

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	26
Глава 13	27
Глава 14	29
Глава 15	31
Глава 16	33
Глава 17	35
Глава 18	36
Глава 19	38
Глава 20	39
Глава 21	40
Глава 22	41
Глава 23	43
Глава 24	45
Глава 25	47
Глава 26	49
Глава 27	50
Глава 28	52
Глава 29	53
Глава 30	55
Глава 31	56
Глава 32	57
Глава 33	59
Глава 34	61
Глава 35	63
Глава 36	65
Глава 37	67
Глава 38	69
Глава 39	71
Глава 40	73
Глава 41	74
Глава 42	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ларс Кеплер

Песочный человек

Lars Kepler
Sandmannen

© Lars Kepler, 2012

© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Издательство CORPUS ®

* * *

Полночь. Дующий с моря ветер несет мелкий снег. По железнодорожному мосту идет в направлении Стокгольма молодой человек. Лицо бледное, словно затуманенное стекло. Джинсы задубели от замерзшей крови. Юноша идет прямо по путям, перешагивает через шпалы. Внизу, метрах в пятидесяти, угадывается лед залива – он словно натянутая простыня. Белые деревья и нефтяные цистерны в порту едва видны. Сквозь свет от далекого погрузочного крана летит снег.

По левому боку юноши течет теплая кровь, стекает на ладонь, капает с кончиков пальцев.

По двухкилометровому мосту с шумом и свистом, похожим на птичий, приближается поезд.

Юноша, пошатнувшись, садится на рельсы, потом поднимается и идет дальше.

Воздух перед поездом приходит в движение, из-за снежного марева ничего не видно. Локомотив с электровозом уже на середине моста, когда машинист замечает на путях человека. Он дает гудок, видит, как фигурка, едва не упав, делает большой шаг влево, на встречный путь, хватается за хлипкое ограждение.

Одежда на молодом человеке развевается. Мост под его ногами ходит ходуном. Юноша замирает, широко раскрыв глаза и вцепившись в поручни.

Все тонет в снежных вихрях и бурлящей темноте.

Окровавленная рука уже начинает примерзать к перилам, когда молодой человек трогается с места.

Его зовут Микаэль Колер-Фрост. Он пропал без вести тринадцать лет назад. Семь лет назад Микаэль был объявлен погибшим.

Глава 1

Судебная психиатрия.

Специальное (особо охраняемое) отделение

Лёвенстрёмская больница

За спиной у нового врача с тяжелым звоном закрылась стальная решетка. Металлическое эхо еще какое-то время преследовало его, катилось следом за ним, вниз по винтовой лестнице.

Андерс Рённ передернулся, когда внезапно стало тихо.

С сегодняшнего дня он – сотрудник специального отделения в судебной психиатрии Лёвенстрёмской больницы.

Тринадцать лет назад в этот строго изолированный бункер посадили Юрека Вальтера. Вальтер был приговорен к принудительному лечению с возможностью отпуска за пределы больницы, который ему могли предоставить в особом порядке, по решению суда.

Молодой врач не знал о своем пациенте ничего, кроме диагноза: “Неуточненная шизофрения. Хаотическое мышление. Повторяющиеся острые психотические состояния с крайне агрессивными эпизодами”.

Оказавшись на нулевом этаже, Андерс предъявил удостоверение, оставил у дежурной телефон и повесил ключ от железной решетки в шкафчик. Только после этого дежурная открыла первую дверь шлюз-тамбура. Андерс вошел, подождал, пока дверь закроется, и подошел к следующей. Послышался характерный сигнал – дверь открылась. Андерс обернулся, помахал дежурной и двинулся к ординаторской.

Главный врач Роланд Брулин оказался плотным чело веком лет пятидесяти, с покатыми плечами и стрижкой “ежиком”. Он курил на кухоньке под вытяжкой, листая статью в “Ворфёрбундэтс тиднинг”¹ о разнице в зарплате мужчин и женщин. Поздоровавшись, Брулин предупредил:

– Не оставайтесь с пациентом один на один. Вальтеру запрещены отпуска, ему нельзя видаться с другими пациентами, нельзя принимать посетителей, нельзя выходить на площадку для отдыха. Нельзя...

– Никогда? – спросил Андерс. – Вряд ли закон позволяет вот так изолировать...

– Вполне позволяет, – резко сказал Брулин.

– А что он такого сделал?

– Он исключительно любезный человек.

Юрек Вальтер был самым страшным серийным убийцей за всю историю Швеции – и о нем почти никто ничего не знал. После окончания судебных переговоров в ратуше и дворце Врангеля все документы по делу были засекречены.

Андерс с главврачом прошли в очередную бронированную дверь, и молодая женщина с татуировками на руках и пирсингом в щеках помахала им:

– Возвращайтесь живыми!

– Да вы не беспокойтесь, – понизив голос, сказал Брулин Андерсу. – Вальтер немолодой и спокойный. Не дерется, не кричит. Наше главное правило – не подходить к нему. Но Леффе из ночной смены видел, как Вальтер изготовил нож и спрятал его под матрас. Нож надо конфисковать.

– И как мы это сделаем?

– Мы не станем нарушать правила.

– Войдем туда, к Юреку?

¹ Газета Ассоциации шведских врачей.

– Вы войдете... и будьте добры, постарайтесь изъять нож.

– Я войду?..

Брулин рассмеялся и объяснил: они притворятся, что делают пациенту обычную инъекцию респердала, но на самом деле вколют ему повышенную дозу зипадеры.

Главврач протасил свою карточку через считывающее устройство и ввел код. Раздался писк, и зажужжал замок бронированной двери.

– Подождите, – попросил Брулин и вынул коробочку с желтыми берушами.

– Вы говорили – он не кричит.

Брулин утомленно провел ладонью по губам, какое-то время устало смотрел на своего нового коллегу, потом тяжело вздохнул и стал объяснять:

– Юрек Вальтер обязательно заговорит с вами – совершенно спокойно, наверняка любезно. – Голос врача был серьезен. – Но потом, вечером, когда вы поедете домой, вы свернете на встречную полосу, и произойдет лобовое столкновение с какой-нибудь фурой... или вам на глаза попадется реклама “Ерния”, и вы купите топор, а потом навестите детишек в детском саду.

– Я должен испугаться? – улыбнулся Андерс.

– Нет. Но я надеюсь, что вы будете соблюдать осторожность.

Обычно Андерсу не везло, но когда он прочитал объявление в медицинской газете о том, что в особо охраняемое отделение Лёвенстрёмской больницы требуется врач на долгосрочную замену, полный рабочий день, его сердце забилося быстрее.

Всего минут двадцать езды от дома. А долгосрочная замена, может статься, позволит ему в дальнейшем попасть в штат.

После медицинской практики в Скарабургской больнице и поликлинике Худдинге ему пришлось согласиться на случайную замену в региональной клинике Святого Сигфрида.

Долгие поездки на Вэксшё и плавающий график никак не удавалось совместить с графиком жены – Петра трудилась в администрации досугового центра – и аутическим синдромом Агнес.

Всего две недели назад Андерс и Петра сидели за кухонным столом, пытались найти решение.

– Так дальше продолжаться не может, – спокойно объявил Андерс.

– Что же делать? – прошептала жена.

– Не знаю. – Андерс вытер слезы с ее щек.

Женщина, занимавшаяся с Агнес в детском саду, сказала, что у девочки был трудный день. Агнес отказалась выпустить из рук кружку с молоком, и другие дети стали смеяться над ней. Девочка никак не мирилась с тем, что полдник окончен, потому что Андерс не забрал ее в обычное время. Он-то поехал в садик прямо из Вэксшё, но добрался туда только к шести.

Агнес так и сидела в столовой, вцепившись в кружку.

Когда они приехали домой, Агнес встала возле кукольного домика и уставилась в стену, хлопая в ладоши. Девочка полностью ушла в себя. Родители не знали, что она там видит, но дочь объяснила, что там появляются серые палочки, которые она должна пересчитать и спрятать. Агнес делала так, когда чего-то боялась. Иногда подсчет палочек длился минут по десять, но тем вечером Агнес простояла у стенки больше четырех часов, после чего родителям все же удалось уложить ее спать.

Глава 2

Бронированная дверь закрылась, и врачи направились к изолятору – единственному обитаемому из трех. Свет люминесцентных ламп отражался от линолеума. Обои замахрились в метре от пола, на уровне тележки, на которой развозили еду.

Главврач упрятал карточку в карман и дал Андерсу подойти к массивной металлической двери.

Сквозь армированное стекло Андерс рассмотрел невысокого мужчину, сидящего на пластмассовом стуле. Синие джинсы, джинсовая рубашка. Гладко выбрит, глаза – удивительно спокойные. Покрытое морщинами бледное лицо похоже на растрескавшееся русло пересохшей реки.

Юрека Вальтера осудили за два убийства, но он явно имел отношение еще к девятнадцати.

Тринадцать лет назад Вальтера взяли на месте преступления в парке Лилль-Янскуген в тот момент, когда он пытался загнать женщину лет пятидесяти в стоящий в яме гроб. Вальтер держал ее в этом гробу почти два года, но женщина все еще была жива. Она чудовищно пострадала – истощение, атрофия мышц, тяжелые обморожения и болезненные пролежни. Кроме того, мозг несчастной был серьезно поврежден. Если бы полицейские не выследили Вальтера и не взяли его возле гроба, он бы, наверное, так и продолжал убивать.

Главврач достал три пузырька с желтым порошком, добавил в каждый воды, взболтал и осторожно втянул содержимое пузырьков в шприц.

Сунул в уши беруши и открыл окошечко в двери. Звякнул металл, и до врачей донесся тяжелый запах бетона и пыли.

Брулин, растягивая слова, объявил Вальтеру, что пора делать укол.

Сидевший в изоляторе мужчина поднял голову и плавно встал, перевел взгляд на окошечко и двинулся к двери, расстегивая рубашку.

– Остановись и сними рубашку, – велел Брулин.

Вальтер продолжал медленно идти к двери. Роланд захлопнул окошко и быстро задвинул засов. Вальтер остановился, расстегнул последние пуговицы, и рубашка упала на пол.

Когда-то он явно был спортивным, но теперь мускулы стали дряблыми, морщинистая кожа обвисла.

Роланд снова открыл окошко. Вальтер сделал несколько шагов и протянул врачам жилистую руку, усыпанную пигментными пятнами.

Андерс протер ему плечо спиртом. Роланд ввел шприц в мягкую плоть. Жидкость он выдавил слишком быстро. Вальтер дернулся от неожиданности, но не убрал руку, пока Брулин не разрешил ему. Главврач поспешно закрыл и запер окошечко, вынул беруши, нервно улыбнулся и заглянул в камеру.

Вальтер, спотыкаясь, дошел до койки, остановился, сел.

Внезапно он перевел взгляд на дверь, и Роланд уронил шприц.

Пытался подхватить его, но шприц покотился по бетонному полу.

Андерс подобрал шприц. Когда оба врача снова повернулись к изолятору, то увидели, что армированное стекло запотело изнутри. Вальтер подышал на него и пальцем написал “ЙОНА”.

– Что там? – неуверенно спросил Андерс.

– Он написал “Йона”.

– “Йона”?

– Что за ерунда...

Стекло очистилось. Вальтер сидел на койке, словно и не подходил к двери. Он рассмотрел место укола, помассировал руку, а потом поднял глаза на врачей.

– Там больше ничего не было? – спросил Андерс.

– Я видел только...

Из-за массивной двери донесся животный рев. Вальтер сполз с койки и теперь стоял на коленях, громко крича. Жилы на его шее напряглись, кровеносные сосуды вздулись.

– Сколько на самом деле вы ему вкололи? – спросил Андерс.

Побелевшие глаза Вальтера почти вылезли из орбит. Он оперся рукой о пол, вытянул ногу, но завалился назад, ударился головой о тумбочку, опять закричал и забился в конвульсиях.

– Вот черт, – прошептал Андерс.

Вальтер окончательно соскользнул на пол и задергал ногами, прикусил язык, выдохнул кровь на грудь и остался лежать на спине, тяжело дыша.

– Что будем делать, если он умрет?

– Кремируем.

У Вальтера снова начались конвульсии, он задергался, колотя руками по полу, но потом затих.

Брулин посмотрел на часы. По его щекам струился пот.

Вальтер застонал, повернулся на бок, попытался встать, но не смог.

– Через две минуты можно будет войти, – сказал Брулин.

– Это действительно необходимо?

– Скоро он будет совсем не опасен.

Вальтер встал на четвереньки, изо рта у него свисала кровавая слюна. Он пошатнулся и медленно пополз, а потом лег на пол и затих.

Глава 3

Андерс заглянул в изолятор через толстое стекло в двери. Юрек Вальтер неподвижно лежал на полу уже минут десять, тело обмякло после конвульсий.

Брулин сунул ключ в замочную скважину, помедлил, заглянул в окошечко и отпер дверь.

– Чувствуйте себя как дома, – пригласил он.

– А если проснется?

– Не проснется.

Брулин открыл дверь, и Андерс вошел. Дверь у него за спиной снова закрылась, щелкнул замок. В изоляторе пахло потом и еще чем-то. Кислый уксусный запах. Вальтер лежал неподвижно, дыхание угадывалось только по медленным движениям спины.

Андерс старался держаться подальше от него, хоть и знал, что Вальтер крепко спит.

Слышимость в изоляторе была странно навязчивой, звуки словно лежали на поверхности движений.

Медицинский халат мягко шуршал при каждом шаге.

Вальтер задышал быстрее.

Из крана капала вода.

Андерс приблизился к койке, перевел взгляд на Вальтера и опустил на колени.

Коротко взглянул на главврача, который испуганно наблюдал за ним через армированное стекло, нагнулся и попытался заглянуть под прикрученную к полу койку.

На полу – ничего.

Андерс еще немного подвинулся к койке, осторожно оглянулся на Вальтера и распластался на полу.

Он больше не видел Юрека – чтобы найти нож, пришлось повернуться к пациенту спиной.

Под койкой было почти темно. У стены лежали клочья пыли.

Невыносимо было думать, что вот сейчас Вальтер откроет глаза и...

Между матрасом и деревянными ребрами кровати что-то засунуто, но что – трудно рассмотреть.

Андерс потянулся, но не достал. Придется заползти под койку на спине. Места так мало, что невозможно повернуть голову. Он пополз под койку. При каждом вдохе дно кровати давило на грудную клетку. Пальцы зашарили под матрасом. Надо еще подвинуться. Ушиб колено о ребро кровати. Сдул с лица комок пыли и протиснулся под койку еще немного.

Вдруг в изоляторе послышался шум. Повернуться и посмотреть, что там, было невозможно. Андерс замер, прислушиваясь. Теперь сам он дышал так быстро, что с трудом различал другие звуки.

Осторожно протянул руку, кончиками пальцев нащупал предмет, подтянулся еще немного и наконец достал “нож”.

Юрек изготовил из стального обломка короткую, очень острую заточку.

– Выходите, – позвал Брулин.

Андерс заторопился и, пытаясь вылезти, ободрал щеку.

Стоп. Он не может выбраться. Халат за что-то зацепился, а стащить его с себя невозможно.

Ему показалось, что он слышит какой-то шорох со стороны Вальтера.

Может, там ничего нет.

Андерс рванулся, сился освободиться. Швы на халате затрещали, но выдержали. Молодой врач понял: придется снова заползти глубже под кровать, чтобы отцепить ткань.

– Что вы там возитесь? – нервно крикнул Брулин.

Окошечко в двери снова со скрежетом захлопнулось.

Оказалось, карман халата зацепился за оторванную планку. Быстро отцепив карман, Андерс перевел дух и полез на волю. В нем уже волной поднималась паника. Ободрав живот и колени, Андерс уцепился одной рукой за край кровати и наконец вылез.

Еле дыша, перевернулся и встал, держа заточку в руке. Его пошатывало.

Юрек лежал на боку, полуоткрытый во сне глаз слепо уставился на врача.

Андерс быстро подошел к двери, встретил испуганный взгляд главврача, криво улыбнулся и напряженно сказал:

– Открывайте дверь.

Однако Брулин открыл только окошечко:

– Сначала дайте нож.

Андерс озадаченно посмотрел на него и протянул заточку.

– Вы еще что-то нашли, – сказал Брулин.

– Ничего не нашел. – Андерс оглянулся на Вальтера.

– Письмо.

– Ничего там больше не было.

Юрек зашевелился на полу и задышал так, словно уже приходил в себя.

– Поищите у него в карманах, – напряженно улыбаясь, велел главврач.

– Зачем?

– Затем, что это обыск.

Андерс повернулся и медленно подошел к Вальтеру. Глаза Юрека снова были закрыты, но на морщинистом лице выступил пот.

Андерс нехотя наклонился и провел рукой по карману Вальтера. Джинсовая рубашка натянулась на плечах. Юрек тихо рыгнул.

В заднем кармане штанов оказалась только пластмассовая расческа. Андерс дрожащей рукой полез по тесным карманам.

Капли пота сорвались с кончика носа. Надо зажмуриться на пару секунд.

Большая ладонь Юрека несколько раз сжалась и разжалась.

В карманах ничего не было.

Андерс перевел взгляд на противоударное стекло и покачал головой. Ему не было видно, стоит Брулин за дверью или нет. Лампа на потолке изолятора светила словно серое солнце.

Пора выбирать.

Он и так слишком задержался в изоляторе.

Андерс выпрямился и бросился к двери. Брулина за ней не оказалось. Андерс почти прижался носом к стеклу, но ничего не увидел.

Юрек Вальтер задышал торопливо, словно ребенок, которому снится страшный сон.

Андерс забарабанил в дверь, но кулаки ударили по массивной металлической двери почти беззвучно. Он снова постучал. В ответ – ничего. Андерс застучал по стеклу обручальным кольцом – и вдруг увидел на стене какую-то тень.

Спина и руки моментально покрылись гусиной кожей. Адреналин подскочил, сердце тяжело забилося. Андерс обернулся. Юрек Вальтер медленно садился. Его лицо было расслаблено, светлые глаза уставились в никуда. Из губы все еще текла кровь, и рот казался странно красным.

Глава 4

Андерс снова заколотил в тяжелую стальную дверь, закричал, но главврач не открывал. Пульс отдавался в висках. Андерс повернулся лицом к пациенту. Вальтер так и сидел на полу. Он несколько раз глянул на врача и начал вставать.

– Это все вранье, – сказал Юрек, и кровь брызнула на подбородок. – Говорят, что я чудовище, но я всего лишь человек...

Встать он не сумел и снова опустился, задыхаясь, на пол.

– Человек, – пробормотал он.

Вялым движением сунул руку под рубашку, вытащил смятый листок бумаги, бросил в сторону Андерса.

– Вот письмо, о котором он спрашивал, – пояснил он. – Я семь лет просил, чтобы мне позволили встретиться с адвокатом... Я не надеюсь выйти отсюда... Я – тот, кто я есть, но я все еще человек...

Андерс нагнулся и потянулся за листком, не спуская с Юрека глаз. Человек с морщинистым лицом снова попытался встать, оперся на руки, пошатнулся. Ему удалось поставить ногу на пол.

Андерс подобрал листок, попятился и наконец услышал, как ключ со скрежетом поворачивается в замке. Обернувшись, он уставился на стекло, чувствуя, как дрожат ноги.

– Зря ты дал мне двойную дозу, – пробормотал Юрек.

Андерс и не оборачиваясь понял, что он стоит и смотрит на него.

Бронестекло в двери походило на кусок мутного льда. Невозможно было различить, кто стоит с той стороны и поворачивает ключ в замке.

– Откройте, откройте, – шептал Андерс, слыша дыхание у себя за спиной.

Дверь поехала ему навстречу, и Андерс, спотыкаясь, вылетел прочь из изолятора. Ткнулся в бетонную стену, услышал, как с тяжелым ударом закрылась дверь, услышал скрежет, которым массивный замок ответил на поворот ключа.

Хватая ртом воздух, Андерс прислонился к холодной стене, повернул голову и увидел не главврача, который так напугал его, а ту молодую женщину с пирсингом в щеках.

– Не понимаю, что случилось, – сказала она. – Видимо, у Роланда нервное истощение. Он ведь всегда очень тщательно соблюдает меры безопасности.

– Я ему скажу...

– Наверное, он заболел... Кажется, у него диабет.

Андерс вытер потные ладони о халат и снова взглянул на женщину.

– Спасибо, что открыли.

– Для вас – все, что угодно, – пошутила она.

Андерс попытался улыбнуться беззаботно, по-мальчишески, но когда он проходил тамбур-шлюз, ноги у него дрожали. На вахте женщина остановилась и посмотрела на Андерса.

– У тех, кто здесь работает, одна-единственная проблема, – заметила она. – При такой чертовски спокойной работе приходится есть немерено сладкого, чтобы не уснуть.

– Так это неплохо.

На мониторе было видно, как Юрек сидит на койке, опустив голову на руки. Комната дневного пребывания, с телевизором и беговой дорожкой, была пуста.

Глава 5

Весь остаток дня Андерс посвятил изучению своих новых обязанностей: обход в отделении номер тридцать, истории болезни пациентов и их предоставляемые по решению суда отпуска из больницы, – но мысли крутились вокруг письма и слов Юрека.

В десять минут шестого Андерс вышел из отделения судебной психиатрии на улицу. Вокруг освещенной территории больницы сгустилась зимняя тьма.

Андерс сунул руки в карманы куртки, торопливо прошагал по плитам дорожки и оказался на большой парковке перед главным входом.

Когда он приехал, стоянка была забита машинами. Теперь она почти опустела.

Андерс прищурился и увидел перед своей машиной какого-то человека.

– Эй! – Андерс прибавил шаг.

Человек обернулся, провел рукой по губам и торопливо отошел от машины. Оказалось, это главный врач Роланд Брулин.

Последние шаги Андерс прошел медленнее, вынимая ключи из кармана.

– Вы ждете, чтобы я извинился, – начал Брулин с вымученной улыбкой.

Андерс сказал:

– Мне бы не хотелось говорить о том, что случилось, с руководством больницы.

Брулин посмотрел ему в глаза, протянул левую руку, раскрыл ладонь и спокойно произнес:

– Давайте письмо.

– Какое письмо?

– Письмо, которое вы нашли по желанию Вальтера. Клочок бумаги, обрывок газеты, картонки...

– Я должен был найти нож, и я его нашел.

– Это была наживка. Вы же не думаете, что он пошел на такие мучения из-за ерунды вроде ножа?

Андерс смотрел на главврача. Тот утирал пот над верхней губой.

– Что мы делаем, если пациент хочет встретиться с адвокатом? – спросил Андерс.

– Ничего, – прошептал Брулин.

– Но он когда-нибудь просил вас об адвокате?

– Не знаю. Я не слышал. Я всегда затыкаю уши, – улыбнулся Брулин.

– Но я не понимаю, почему...

– Вам нужна эта работа, – перебил главврач. – Я слышал, что вы были худшим из своего выпуска, вы по уши в долгах, опыта нет, рекомендаций нет.

– Вы закончили?

– Все, что вам нужно сделать, – это отдать мне письмо. – Брулин стиснул зубы.

– Не было там никакого письма.

Брулин какое-то время смотрел ему в глаза.

– Если когда-нибудь письмо найдется, – сказал он, – отдайте мне его не читая.

– Ясно. – Андерс отпер дверцу.

Ему показалось, что главврач почувствовал некоторое облегчение. Он захлопнул дверцу и завел мотор. Не обращая внимания на Брулина, стучавшего в окошко, он включил передачу и тронул машину с места. В зеркале заднего вида он видел Брулина – тот стоял и без улыбки смотрел вслед машине.

Глава 6

Приехав домой, Андерс быстро запер входную дверь и накинул цепочку.

Сердце билось быстро – что-то заставило Андерса бежать всю дорогу от машины до дому.

Из комнаты Агнес доносился спокойный голос Петры. Андерс улыбнулся. Жена читала дочке “Мы из Сальткροкан”. Обычно до сказки на ночь – последнего из ритуалов подготовки ко сну – проходило немало времени. Наверное, сегодня опять был хороший день. Новая должность Андерса позволила Петре уходить со службы гораздо раньше.

Вокруг грязных зимних сапожек Агнес на коврике в прихожей натекло мокрое пятно. Шапка и вязаная манишка валялись на полу возле комода. Андерс прошел на кухню и поставил на стол бутылку шампанского, а потом замер, не отрывая взгляда от темного сада за окном.

Он думал о письме Вальтера. Он не знал, что предпринять.

В окно стучали ветви разросшейся сирени. В черном стекле Андерс увидел отражение собственной кухни, услышал, как поскрипывают ветки, и подумал: надо бы принести из кладовки секатор.

– Стой, стой, – послышался голос Петры, – сначала я дочитаю...

Андерс неслышно вошел в комнату Агнес. На потолке горела лампа с розовым абажуром. Петра подняла глаза от книги, встретила взглядом с Андерсом. Светло-каштановые волосы убраны в высокий “хвост”, в ушах всегдашние сережки-сердечки. Агнес сидела у нее на коленях, твердя, что мама опять ошиблась и надо перечитать про собаку.

Андерс опустился перед ними на колени:

– Привет, кроха.

Агнес быстро взглянула на него и отвернулась. Андерс погладил ее по головке, заправил волосы за уши и поднялся.

– На кухне ужин, подогрей, – попросила Петра. – А мне придется сначала дочитать главу.

– Про собаку неправильно, – напомнила Агнес, глядя в пол.

Андерс пошел на кухню, достал из холодильника тарелку и поставил ее на разделочный стол возле микроволновки.

Медленно вытащил из заднего кармана джинсов письмо, вспомнил, как Юрек все повторял, что он – просто человек.

Мелким почерком с сильным наклоном Юрек написал несколько бесцветных предложений на тонкой бумаге. В правом верхнем углу стоял адрес адвокатской конторы в Тенсте, а само письмо содержало официальный запрос – и ничего больше. Юрек Вальтер просил юридической помощи, чтобы понять содержание приговора, по которому его поместили на принудительное лечение в отделение судебной психиатрии. Он хотел, чтобы ему разъяснили его права и проинформировали о том, возможен ли пересмотр приговора.

Андерс не мог определить, откуда вдруг взялось это неприятное чувство, но в интонации письма было что-то странное. И еще – грамотно построенные фразы, но при этом описки почти на уровне дислексии.

Слова Юрека никак не шли у него из головы. Андерс направился в кабинет и достал чистый конверт. Надписал адрес, вложил в конверт письмо, наклеил марку.

Он вышел из дома в холодную темноту, прошел через сад и оказался у киоска на круговом перекрестке. Бросив конверт в почтовый ящик, Андерс немного постоял, глядя на Сандвэген и проезжающие машины, а потом повернулся и пошел домой.

Замерзшая трава гнулась под ветром, как морские волны. Заяц прошмыгнул по направлению к старым садам.

Когда Андерс открыл калитку, его взгляд упал на кухонное окно. Дом походил на кукольный – сияющий всеми окнами, такой светлый... В коридоре висела синяя картина – на своем месте, все как всегда.

Дверь в их с Петрой спальню открыта. Посреди комнаты стоит пылесос. Провод все еще торчит из розетки.

Вдруг Андерс заметил какое-то движение, и у него перехватило дыхание. В спальне кто-то был. Стоял возле кровати.

Андерс уже хотел было ворваться в спальню, как вдруг сообразил, что на самом деле незнакомец находится в саду по ту сторону дома.

Андерс просто увидел его через окно спальни.

Он бросился бежать по выложенной камнями дорожке, мимо солнечных часов, обогнул торец дома.

Человека, видимо, спугнули его шаги – он уже покидал сад. Андерс услышал, как тот продирается через заросли сирени. Он кинулся следом, отвел ветки, пытаясь что-нибудь рассмотреть, но было слишком темно.

Глава 7

...Микаэль застыл, когда Песочный человек дунул в темную комнату своей жуткой пылью. Микаэль давно уже понял, что задерживать дыхание бессмысленно. Потому что если Песочный человек хочет, чтобы дети уснули, они засыпают.

Микаэль знает: скоро глаза начнут слипаться – так сильно, что их никак не открыть. Он знает: надо лечь на матрас и стать частью темноты.

Мама часто рассказывала о дочери Песочного человека, механической деве Олимпии. Олимпия пробиралась к маленьким детям, пока те спали, и срывала с них одеяла, чтобы они замерзли.

Микаэль прислонился к стене, ощутил бороздки в бетоне.

В темноте из-за мельчайших песчинок словно сгустился туман. Трудно дышать. Легкие отчаянно стараются дать крови хоть немного кислорода.

Юноша закашлялся, облизал губы. Сухие и как будто онемели.

Веки все тяжелеют, тяжелеют.

Вся семья качается в гамаке. Солнечный свет мигает сквозь куст сирени. Скрипят ржавые болты.

Микаэль широко улыбается.

Мы взлетаем все выше, и мама хочет притормозить, но папа только прибавляет скорости. Мы задеваем стол, и клубничный сок чуть не выплескивается из стаканов.

Гамак переворачивается, отец хохочет и поднимает руки, словно на американских горках.

Голова Микаэля дергается. Он открывает в темноте глаза, шарахается в сторону и хватается за холодную стену. Поворачивается к матрасу, собираясь лечь – сейчас он потеряет сознание, – но колени вдруг просто подгибаются.

Микаэль падает прямо на пол, на руки, чувствует боль в запястьях и плечах – все это в уже начинающемся сне.

Юноша тяжело ложится на живот и пытается ползти, но не может. Задышавшись, он лежит, прижавшись щекой к бетонному полу. Он хочет что-то сказать, но голоса нет.

Глаза закрываются, несмотря на все его усилия.

Уже соскальзывая в темноту, он слышит, как Песочный человек прокрадывается в комнату, передвигает свои мучнистые ноги по стене, заходит на потолок. Останавливается там и протягивает руки вниз, пытаясь нащупать Микаэля фарфоровыми пальцами.

Темнота.

Микаэль проснулся с пересохшим ртом. Болела голова. Глаза слипаются от старого песка. Микаэль так устал, что мозг снова пытается уснуть, но какой-то оставшийся ясным осколок сознания регистрирует: что-то основательно переменялось.

Адреналин накатил, словно ударило чем-то горячим.

Микаэль сел в темноте и по акустике понял, что находится в другой комнате – побольше.

Он больше не в капсуле.

От одиночества он заледенел.

Микаэль осторожно пополз по полу вдоль стены. Мысли носились по кругу. Он уже забыл, когда бросил и думать о том, чтобы сбежать.

Тело все еще было тяжелым после долгого сна. Микаэль поднялся на дрожащие ноги, опираясь о стену, добрал до угла, пошарил – что дальше? – и наткнулся на металлическую

пластину. Быстро провел рукой по периметру пластины, понял, что это дверь, поводит по ней руками, нашел ручку.

Пальцы дрожат.

В комнате – абсолютная тишина.

Микаэль осторожно нажал на ручку. Он приготовился к тому, что дверь будут держать с той стороны, и поэтому чуть не упал, когда она просто открылась.

Микаэль, широко шагнув, оказался в светлой комнате – пришлось на какое-то мгновение закрыть глаза.

Он шел как во сне.

Выпустите, выпустите меня отсюда.

В голове что-то взорвалось.

Микаэль прищурился, увидел, что находится в коридоре, и на подгибающихся ногах двинулся вперед. Сердце колотилось так сильно, что было трудно дышать.

Он старался двигаться тихо, но все-таки подвывал от страха.

Песочный человек скоро вернется – он никогда не забывает про детей.

Микаэль не мог как следует открыть глаза, но шагал вперед, по направлению к неясному свету.

А вдруг это ловушка? Вдруг его, как насекомое, просто приманивают на свет лампочки?

Но Микаэль продолжал идти вперед, иногда опираясь о стену.

Вот он споткнулся об огромные тюки с изоляционным материалом, задохнулся от страха, шарахнулся в сторону, ударился плечом о противоположную стену, однако удержал равновесие.

Остановился и закашлялся – как можно тише.

Свет, оказывается, проникал в коридор через стеклянное окошко в двери.

Микаэль, споткнувшись, кинулся вперед и надавил на ручку, но дверь оказалась заперта.

Нет, нет, нет.

Он рванул ручку, пнул дверь, снова рванул. Заперто. От отчаяния Микаэль осел на пол. За спиной послышались мягкие шаги. Юноша боялся обернуться.

Глава 8

Писатель Рейдар Фрост поставил пустой бокал на стол и на мгновение закрыл глаза, чтобы успокоиться. Кто-то из гостей захлопал в ладоши. Вероника, в синем платье, отвернулась, закрыла лицо руками и принялась считать.

Гости брызнули в разные стороны, шаги и смех рассыпались по комнатам большого дома.

Правила предписывали участвовать в развлечениях, но Рейдар медленно подошел к узкой потайной дверце и скользнул в кладовую. Осторожно поднялся по узкой лестнице для прислуги, открыл тайную дверцу, замаскированную в настенном коврике, и оказался на частной половине дома.

Рейдар понимал, что ему не стоит быть здесь одному, но все же шел сквозь расположенные анфиладой большие комнаты.

Проходя каждую, он закрывал за собой двери. Наконец Рейдар оказался в дальнем зале.

Вдоль стены стояли коробки с детской одеждой и игрушками. Одна коробка открылась, и из нее высунулось какое-то зеленое космическое оружие.

Послышался приглушенный полom и стенами крик Вероники: “Сто! Я иду искать!”

Рейдар выглянул в окно, на поля и выгоны.

Вдали тянулась березовая аллея, которая вела в усадьбу Рокста.

Рейдар подтащил к себе мягкий стул с подлокотниками и повесил пиджак на спинку. Шагнув на сиденье, он ощутил, насколько пьян. Белая рубашка на спине насквозь промокла от пота.

Сильным движением Рейдар забросил веревку на потолочную балку. Стул под ним заскрипел. Тяжелая веревка ударила по балке, конец свесился с той стороны.

В воздухе закружилась пыль.

Матерчатое сиденье под подошвами ботинок казалось до странности мягким.

Снизу долетали смех и восклицания. Праздник. Рейдар на миг закрыл глаза, подумал о детях, об их личиках, удивительных лицах, о плечах и тонких руках.

Он в любую минуту мог бы услышать их детские голоса и быстрый топот – воспоминания налетали летним бризом и проносились через душу, оставляя ее холодной и пустой, как прежде.

С днем рождения, Микаэль, подумал Рейдар.

Руки дрожали так сильно, что он не мог завязать петлю.

Рейдар замер, пытаясь дышать спокойнее, и уже начал было снова, как вдруг в дверь постучали.

Он подождал пару секунд, выпустил веревку, спустился на пол и надел пиджак.

– Рейдар? – тихо позвал женский голос.

Вероника. Наверное, когда считала, подсмотрела, как он исчезает в кладовке. Шла через залы, открывала дверь за дверью, и ее голос звучал все отчетливее по мере того, как она приближалась.

Рейдар потушил свет и вышел из детской. Открыл дверь в ближайший зал и остановился.

Вероника шла к нему с бокалом шампанского в руке. Теплое сияние темных пьяных глаз.

Высокая, стройная, черные волосы стрижены “под мальчика”. Ей идет.

– Я говорил, что хочу переспать с тобой? – спросил Рейдар.

Вероника обошла его, покачиваясь на неверных ногах.

– Смешно, – невесело сказала она.

Вероника Климт была литературным агентом Рейдара. За последние тринадцать лет он не написал ни строчки, но те три книги, которые он успел написать, продолжали приносить доход.

Снизу, из столовой, донеслась музыка, от быстрых басов загудел весь дом. Рейдар остановился у дивана, провел рукой по серебристым волосам.

– Вы оставили мне чуток шампанского? – спросил он и уселся.

– Нет. – Вероника отдала ему свой бокал, наполовину полный.

– Мне звонил твой муж. Он считает, что тебе пора домой.

– Не хочу. Я собираюсь развестись, и...

– Разводиться тебе нельзя, – перебил Рейдар.

– Это почему?

– Чтобы ты не думала, будто ты небезразлична мне.

– Я и не думаю.

Рейдар допил все, что оставалось в бокале, лег на диван, закрыл глаза. От выпитого кружилась голова.

– У тебя был грустный вид, и я немного забеспокоилась.

– Я себя чувствую – кум королю...

Послышался смех. От клубной музыки пол гудел под ногами.

– Гости уже скучают по тебе.

– Ну пойдем, перевернем там все вверх дном. – Рейдар улыбнулся.

Семь лет назад Рейдар устроил так, чтобы люди были рядом с ним почти круглые сутки. Его компания немислимо разрослась. Иногда он устраивал грандиозные вечеринки в усадьбе, иногда – обеды для избранных. В определенные дни – в дни рождения детей – жизнь становилась невыносимой. Рейдар понимал: если рядом с ним не будет людей, одиночество и тишина пожрут его окончательно.

Глава 9

Когда Рейдар с Вероникой распахнули двери столовой, в грудь им ударила волна бухающей музыки. Гости, сталкиваясь, танцевали в темноте вокруг большого стола. Кто-то доедал седло косули с жареной картошкой.

Актер Вилле Страндберг расстегнул рубашку. Расслышать, что он кричит, выплясывая перед Рейдаром и Вероникой, было невозможно.

– *Take it off!*² – крикнула Вероника.

Вилле рассмеялся, швырнул рубашку Веронике и заплясал перед ней, заложив руки за шею. Пивной животик подпрыгивал от резких движений.

Рейдар осушил еще один бокал и затанцевал перед Вилле, крутя бедрами.

Музыка стала тише, теперь она шелестела. Пожилой издатель Давид Сюльван схватил Рейдара за локоть и просипел что-то с потным счастливым лицом.

– Что?

– Сегодня еще состязаний не было, – повторил Давид.

– Стреляем, боремся?..

– Стреляем! – завопили сразу несколько гостей.

– Тащите пушку и пару бутылок шампанского, – улыбаясь, велел Рейдар.

Вернулся ритмичный гул, и остаток разговора потонул в грохоте музыки. Рейдар снял со стены картину и понес в прихожую. Его собственный портрет, написанный Петером Далем.

– Мне нравится эта картина. – Вероника хотела остановить его.

Рейдар стянул ее руку с плеча. Почти все гости повалили следом за ним в холодный парк. Свежий снежок, легко кружась, ровным слоем ложился на землю. Снежинки плясали на фоне черного неба.

Рейдар, по колено в снегу, подобрался к яблоне и повесил портрет на заснеженную ветку. Следом за ним пробирался Вилле Страндберг с сигнальным факелом, прихваченным из коробки в чулане. Вилле снял пластиковый чехол и потянул за шнур. Грохнуло, полетели искры, и факел разгорелся. Вилле со смехом махнул рукой и воткнул его в снег под деревом. Белый огонь осветил ствол и голые ветки.

Теперь всем стал виден портрет Рейдара с серебряным пером в руках.

Переводчик Берселиус, как оказалось, захватил с собой три бутылки шампанского, а Давид Сюльван с улыбкой показал всем старый “кольт” Рейдара.

– Не смешно, – еле слышно сказала Вероника.

Давид с “кольтом” в руках встал рядом с Рейдаром.

Сунул шесть пуль в барабан, крутнул.

Вилле Страндберг так и не надел рубашку, но он был пьян и потому не мерз.

– Попадешь – можешь выбрать любую лошадь из конюшни, – буркнул Рейдар и взял у Давида револьвер.

– Пожалуйста, будь осторожен, – попросила Вероника.

Рейдар сделал шаг в сторону, прицелился, выпрямив руку, но не попал. Эхо выстрела загрохотало между строениями.

Гости вежливо захлопали, словно Рейдар играл в гольф.

– Моя очередь, – рассмеялся Давид.

Вероника, дрожа, стояла в снегу. Ее ноги горели от холода – она вышла в тонких туфельках.

² Сними ее! (англ.)

– Я очень люблю этот портрет, – снова сказала она.

– Я тоже, – ответил Рейдар и выстрелил еще раз.

Пуля ударила в верхний угол полотна. Поднялось облачко пыли, позолоченная рама слегка треснула и покосилась.

Давид, фыркнув, взял у Рейдара револьвер, взмахнул рукой, упал, пальнул в небо и еще раз – когда пытался вылезти из снега.

Кто-то захлопал, остальные закричали “ура!” и захохотали.

Рейдар забрал у друга револьвер и счистил с него снег, проговорив:

– Последний выстрел решит все.

Вероника подошла к нему, поцеловала в губы.

– Как ты?

– Отлично. Лучше не бывает.

Вероника отвела ему волосы со лба. Горстка гостей на каменных ступеньках свистела и смеялась.

– Я нашла картину получше! – крикнула рыжеволосая женщина, имени которой Рейдар не помнил.

Женщина проволокла по снегу огромную куклу. Неожиданно выпустила ее из рук, упала на колени, снова встала. На платье с леопардовым узором остались мокрые пятна.

– Увидела ее вчера, она лежала под грязными жалюзи в гараже! – торжествующе выкрикнула женщина.

Берселиус кинулся помогать. Кукла из раскрашенной пластмассы представляла собой Человека-паука и ростом была с Берселиуса.

– Браво, Мари! – завопил Давид.

– Убить Человека-паука, – невнятно проговорила какая-то женщина у них за спиной.

Рейдар поднял глаза, увидел огромную куклу, и револьвер упал в снег.

– Я хочу спать, – неожиданно объявил Рейдар.

Он оттолкнул руку Вилле с бокалом шампанского и, пошатываясь, направился к усадьбе.

Глава 10

Вероника шла следом за Мари. Обе искали Рейдара. Бродили по комнатам, залам. Пиджак Рейдара валялся на лестнице, ведущей на верхний этаж, и они поднялись туда. Было темно, но в дальней комнате горел в камине огонь, отсветы играли на стене. У камина сидел Рейдар. Запонки он снял, и рукава висели свободно. На низенькой книжке полке рядом с ним стояли четыре бутылки “Шато-Шеваль Блан”.

– Я только хотела извиниться. – Мари оперлась о дверь.

– Наплевать на меня, – пробормотал Рейдар, не оборачиваясь.

– Глупо вышло. Надо было сначала спросить, а потом вытаскивать эту куклу, – показала Мари.

– Да по мне, хоть все старое дерьмо сожгите.

Вероника подошла к нему, опустилась на колени и с улыбкой взглянула ему в лицо.

– Ты вообще знаком с Мари? – спросила она. – Мари – подруга Давида... по-моему.

Рейдар поднял бокал, показав рыжей, что пьет за ее здоровье, и сделал большой глоток.

Вероника забрала у него бокал, попробовала вино и села.

Сбросила туфли, откинулась назад и положила босые ноги Рейдару на колени.

Он осторожно погладил икру с синяком от новых стременных ремней, потом провел пальцами вверх по бедру, до самой промежности. Просто гладил, ему было наплевать, что здесь Мари.

Языки пламени высоко поднимались в огромном камине. Жар пульсировал, согревал его лицо – щеки уже почти горели.

Мари осторожно приблизилась. Рейдар взглянул на нее.

В теплой комнате рыжие волосы начали завиваться. На измятом леопардовом платье расплылись пятна пота.

– Лапочка, – сказала Вероника, убирая бокал, к которому тянулся Рейдар.

– Я обожаю твои книги, – объявила Мари.

– Какие книги? – ошетинился Рейдар.

Он поднялся и принес из застекленного шкафа еще один бокал. Мари, неверно истолковав этот жест, протянула руку.

– Захочешь ссать – обойдешься кружкой, – пояснил Рейдар и выпил.

– Ну зачем ты...

– Хочешь вина – ну лакай тогда, – громко перебил он.

Мари, задохнувшись, покраснела. Дрожащей рукой взяла бутылку, налила себе. Рейдар протяжно вздохнул и сказал, уже помягче:

– Думаю, этот год будет из лучших.

Он пододвинул бутылку к себе и снова сел.

С улыбкой смотрел, как Мари подсаживается к нему, вертит бокал в руках, пробует.

Рейдар рассмеялся и налил ей, посмотрел в глаза, посерьезнел и поцеловал в губы.

– Зачем это? – прошептала она.

Рейдар снова нежно поцеловал Мари. Она отвернулась, но не удержалась и улыбнулась. Отпила вина, посмотрела Рейдару в глаза, потянулась к нему и поцеловала.

Рейдар погладил ей шею, провел по спине, справа, почувствовал, как узкие бретельки платья врезаются ей в плечи.

Мари отставила бокал, снова поцеловала Рейдара, с мыслью “я сошла с ума” позволила ему тискать грудь.

подавив душившие его слезы, болезненным комом вставшие в горле, Рейдар запустил руку ей под юбку, задел никотиновый пластырь, огладил задницу.

Мари оттолкнула его руку, когда он попытался стащить с нее трусы, встала и вытерла рот.

– Наверное, нам пора спуститься, вернуться на вечеринку. – Она постаралась, чтобы голос звучал нейтрально.

– Верно, – согласился Рейдар.

Вероника застыла на диване, не отвечая на искательный взгляд Мари.

– Вы пойдете?

Рейдар покачал головой.

– Ладно, – прошептала Мари и вышла. Блеснула ткань ее платья. Рейдар уставился в дверной проем. Темнота казалась занавеской из пыльного бархата.

Вероника поднялась, взяла со стола свой бокал и выпила. Под мышками у нее расплылись пятна от пота.

– Свинья, – сказала она.

– Пытаюсь жить на полную катушку, – тихо сказал Рейдар.

Он поймал ладонь Вероники, прижал к щеке и подержал, глядя в грустные глаза женщины.

Глава 11

Когда Рейдар проснулся на диване, огонь в камине уже погас и в комнате стоял ледяной холод. Глаза слипались, и на ум пришли истории, которые жена рассказывала о Песочном человеке. Том самом, что бросает песок детям в глаза, чтобы они уснули и крепко спали всю ночь.

– Проклятье, – выругался Рейдар и сел.

Он был голый, на коже засохло пролитое вино. Издалека, с аэродрома, доносился шум. В пыльные окна светило утреннее солнце.

Рейдар поднялся на ноги и увидел Веронику, которая свернулась на полу у камина. Перед тем как уснуть, она замоталась в скатерть. Где-то в лесу лаяла косуля. Веселье на первом этаже продолжалось, но теперь уже тише. Рейдар вышел из освещенной неверным солнцем комнаты, прихватив полупустую бутылку. Боль ударила в голову, когда он по скрипучей дубовой лестнице поднимался в спальню. Оказавшись на площадке, он остановился, вздохнул и пошел вниз. Осторожно перенес Веронику на диван, укрыл ее пледом, поднял с пола ее очки для чтения, положил на стол.

Рейдар Фрост, шестидесяти двух лет, был автором трех международных бестселлеров, известных как серия “Санктум”.

Восемь лет назад он купил усадьбу Рокста возле Норртелье, куда и переехал с Тюресё. Двести гектаров леса, поле, конюшня и отличный пaddock, где он иногда тренировал своих пяттерых лошадей. Тринадцать лет назад Рейдар Фрост остался один после того, чего никому не пожелаешь. Однажды вечером его сын и дочь пропали без вести, улизнув из дому к приятелю. Велосипеды Микаэля и Фелисии нашли на пешеходной дорожке возле Бадхольмена. Все, за исключением какого-то говорившего с финским акцентом комиссара, решили, что дети играли слишком близко к воде и утонули в Эрставикене.

Полиция прекратила поиски, хотя тела детей так и не нашли. Жена Рейдара Русеанна не смогла оправиться после потери и к тому же перестала выносить мужа. Она переехала на время к своей сестре, потребовала развода и на деньги, полученные после раздела имущества, уехала за границу. Всего через два месяца после расставания ее нашли в ванне парижского отеля. Она покончила с собой. На полу лежал рисунок Фелисии – подарок на День матери.

Детей так и не нашли. Их имена были выбиты на могильной плите, которую Рейдар посещал нечасто. В день, когда их официально объявили умершими, он созвал друзей и устроил вечеринку. Потом он заботился лишь о том, чтобы не дать ей погаснуть, как не дают погаснуть огню.

Рейдар Фрост верил, что когда-нибудь упьется до смерти. А еще он знал, что если останется один, то покончит с собой.

Глава 12

Товарный поезд несется сквозь зимнюю ночь. Электровоз тащит почти трехсотметровый состав.

Машинист Эрик Йонссон держит руку на пульте управления. Грохот из машинного отсека и от рельсов – ритмичный, монотонный.

Снег как будто падает в световой туннель, образуемый двумя прожекторами. Остальное – тьма.

Когда поезд выходит из поворота возле Ворсты, Йонссон снова увеличивает скорость. Снежный “флаг” столь густой, думает он, что придется останавливаться уже в Халльсберге, чтобы проверить, насколько хорошо поезд замедляет ход.

Вдалеке две косули спрыгнули с насыпи, убежали в белые поля. Животные с колдовской грацией прошли сквозь снег и пропали в ночи.

Когда поезд приближался к длинному мосту Игельстабрун, Эрик вспомнил, как Сиссела ездила с ним. Они целовались в каждом туннеле, на каждом мосту. А теперь она не хочет пропускать занятия по йоге.

Эрик осторожно замедлил ход, прошел Халль и плавно вывел поезд на высокий мост. Состав словно летел по воздуху. Снег взвихривался и кружился в свете прожекторов, почти казалось, что поезд качается вверх-вниз.

Локомотив был уже почти на середине моста, высоко надо льдом Халльсфьердена, как вдруг Йонссон заметил в снежном тумане дрожащую тень. Человек на путях. Эрик от души засигналил и увидел, как фигура дернулась вправо, прямо на встречные пути.

Состав быстро приближался. Через полсекунды человек оказался в свете прожекторов, моргнул. Юноша с мертвым лицом. Одежда взметнулась вокруг тощего тела, и юноша исчез.

Эрик не мог вспомнить, дернул ли он тормоз, замедлил ли состав движение. Что-то грохнуло и металлически задребезжало. Эрик не знал, сбил он юношу или нет.

Машинист задрожал, чувствуя, как в крови подскакивает уровень адреналина, и позволил в службу спасения.

– Я машинист локомотива, я только что видел человека на мосту Игельстабрун... Он был прямо на путях, и я не знаю, переехал я его или нет...

– Кто-нибудь пострадал? – спросил диспетчер.

– Я не знаю, задел я его или нет, я видел его всего пару секунд.

– Можете сказать точно, где вы его видели?

– Прямо посреди моста Игельстабрун.

– На рельсах?

– Там только рельсы и есть, это железнодорожный мост...

– Человек стоял неподвижно или двигался в каком-то направлении?

– Не знаю.

– Мой коллега сейчас свяжется с полицией и службой “скорой помощи” в Сёдертелье. Надо перекрыть движение на мосту.

Глава 13

Диспетчер единой экстренной службы сразу же выслал полицейские машины в обе стороны длинного моста. Всего через десять минут после звонка машиниста первая машина с мигалкой уже заворачивала с Нючёпингсвэген на грунтовую дорогу возле Сюдгатан. Круто уходящую вверх дорогу не расчистили, и взрытый машиной снег оседал на капоте и лобовом стекле.

Машина остановилась у опор моста. Полицейские вылезли и пошли по путям, светя фонариками. Пробираться по рельсам оказалось нелегко. Далеко внизу по шоссе шли машины. Четыре пути сходились в два, тянулись высоко над промышленным районом Бьёркудден и замерзшим заливом.

Полицейский, шедший впереди, остановился и указал вправо. Незадолго до них кто-то явно прошел по железнодорожным путям. В тоскливом свете карманных фонариков виднелись почти занесенные отпечатки ног и редкие пятна крови.

Полицейские посветили фонариками во все стороны, но на мосту никого не увидели. В ярком свете снизу, из гавани, снег стелился над рельсами, словно дым пожара.

К опорам моста с противоположной стороны залива, на расстоянии двух километров, подъехала вторая полицейская машина.

Под колесами загудело, когда сержант Джасим Мухаммед свернул с путей. Его коллега Фредрик Мосскин как раз вышел на связь.

Ветер дул в микрофон с такой силой, что различить голос было почти невозможно, но полицейские все равно разобрали: кто-то совсем недавно прошел по мосту.

Машина остановилась, и фары осветили отвесный склон скалы.

Фредрик закончил переговоры и уставился перед собой.

– Что? – спросил Джасим.

– Кажется, он направлялся туда.

– А что они сказали про кровь? Ее много было?

– Я не расслышал.

– Пошли посмотрим. – Джасим открыл дверцу.

Синие блики мигалки ложились на отягощенные снегом ветви елей.

– “Скорая” уже едет, – сказал Фредрик.

На снегу не было наста, и Джасим провалился по колено. Он отстегнул фонарик от ремня и посветил на оба рельса. Фредрик поскользнулся на насыпи, поднялся.

– У какого зверя жопа на спине? – спросил Джасим.

– Не знаю, – буркнул напарник.

Снегопад был таким густым, что они не видели фонариков полицейских по ту сторону моста.

– У полицейской лошади, – ответил Джасим.

– Да что за...

– Моя теща так развлекает мальцов, – улыбнулся Джасим и вышел на мост.

Следов на снегу не было. Тот человек или все еще на мосту, или прыгнул. Провода над головой странно гудели. Земля под ногами у полицейских круто пошла вниз.

Сквозь туман виднелись очертания расположенной неподалеку тюрьмы Халля – она светилась, словно подводный город.

Фредрик попытался связаться с коллегами, но в рации слышался только вой ветра.

Они осторожно пошли по мосту. Фредрик с фонариком в руке брел за Джасимом, и Джасим видел, как странно движется по земле его собственная тень – то с той стороны, то с этой.

Странно, что на той стороне моста не видно полицейских.

Когда они проходили над заливом, ветер с моря дул особенно сильно. Снег летел в глаза. Щеки потеряли чувствительность от холода.

Джасим прищурился, посмотрел вдаль. Конец моста терялся во вьюжной тьме. Вдруг Джасиму что-то почудилось на границе очерченного фонариком светового круга. Похоже на нарисованного детской рукой человечка без головы.

Джасим поскользнулся, уцепился за низкое ограждение. В пятидесяти метрах внизу снежинки падали на лед.

Фонарик обо что-то ударился и погас.

Сердце громко забилося. Джасим прищурился еще раз, но фигура пропала.

Фредрик прокричал что-то у него за спиной; Джасим обернулся. Коллега указывал в его сторону, но разобрать слова было невозможно. С испуганным видом Фредрик схватился за пистолет в кобуре, и Джасим понял, что напарник хочет обратить его внимание на кого-то у него за спиной.

Джасим обернулся, и у него перехватило дыхание.

Прямо к нему по рельсам полз человек. Джасим попятился и хотел вытащить пистолет. Фигура поднялась на ноги и пошатнулась. Молодой мужчина. Смотрит на полицейских пустым взглядом. Бородатое лицо исхудало, скулы торчат. Молодой человек покачнулся, тяжело дыша.

– Я еще не вышел из-под земли, – задыхаясь, проговорил он.

– Вы ранены?

– Кто?

Молодой человек закашлялся и рухнул на колени.

– Что он говорит? – спросил Фредрик, не снимая руки с пистолета в кобуре.

– Вы где-нибудь ранены? – повторил Джасим.

– Не знаю, я ничего не чувствую, я...

– Будьте добры, следуйте за мной.

Джасим помог юноше подняться и заметил, что правая рука у того покрыта коркой красного льда.

– Меня только половина... Песочный человек забрал... половину забрал он...

Глава 14

Двери отделения “скорой помощи” в Южной больнице закрылись. Краснощекая санитарка помогала бригаде доставать носилки из машины и катить их в отделение экстренной терапии.

– Мы не нашли ни удостоверения личности, ничего...

Пациента отправили к триажной медсестре, и та проводила его в кабинет экстренной помощи.

После измерения всех параметров медсестра пометила уровень риска оранжевым. Одна из высших степеней угрозы для жизни, требуется срочная помощь.

Через четыре минуты врач Ирма Гудвин уже была в кабинете экстренной помощи. Сестра быстро докладывала:

– Дыхательные пути свободны, острых травм нет... но у него истощение, высокая температура, признаки дезориентации, проблемы с кровообращением.

Врач, заглянув в журнал отделения экстренной помощи, подошла к исхудавшему юноше. Одежду на нем пришлось разрезать, и видно было, как костлявая грудь ходит ходунком в такт дыханию.

– Имя выяснить так и не удалось?

– Нет.

– Дайте ему кислород.

Молодой человек лежал, закрыв глаза, с подрагивающими веками, а медсестра прилагала кислородную трубку.

Юноша выглядел страшно истощенным, но следов от инъекций на его теле не было. Ирме до сих пор не случалось видеть настолько бледного человека. Медсестра еще раз измерила ему температуру, сунув градусник в ухо.

– Тридцать девять и девять.

Ирма еще раз проверила, какие еще анализы можно взять, потом снова взглянула на пациента. Грудная клетка поднималась рывками, он слабо кашлянул и на миг открыл глаза.

– Не хочу, не хочу, – механически зашептал он. – Мне надо домой, надо, мне надо...

– Где вы живете? Можете сказать, где вы живете?

– Кто... кто из нас? – спросил он и тяжело сглотнул.

– Бредит, – вполголоса сказала медсестра.

– У вас что-нибудь болит?

– Да. – Молодой человек растерянно улыбался.

– Можете сказать...

– Нет, нет, нет, нет, она кричит во мне, это невыносимо, я не выдержу, я...

Глаза больного закатились, он закашлялся, забормотал что-то о фарфоровых пальцах и прерывисто задышал.

Ирма распорядилась сделать пациенту вливание ней робиотика, дать жаропонижающее, антибиотик бензилпенициллин внутривенно. Тем временем будут готовы результаты анализов.

Ирма покинула кабинет экстренной помощи и пошла по коридору, трогая безымянный палец – на нем восемнадцать лет сидело обручальное кольцо, пока Ирма не смыла его в унитаз. Муж изменял Ирме слишком часто, чтобы обман можно было простить. Ей больше не было больно, но она все еще чувствовала печаль – словно из-за потерянного совместного будущего. Ирма раздумывала, не позвонить ли дочери, пока есть время. После развода она сделалась беспокойной и звонила Мии слишком часто.

Ирма проходила мимо двери, за которой говорила по телефону старшая медсестра. На проводе была бригада “скорой помощи”, выехавшая на важный вызов. Серьезная автомобильная авария. Старшая медсестра соединила звонившего с хирургом.

Ирма остановилась и торопливо вернулась к палате, где лежал пациент, чье имя так и не удалось выяснить. Краснощекая санитарка помогала медсестре промыть кровоточащую рану в промежности. Молодой человек словно напоролся прямо на острый сук.

Ирма остановилась в дверях.

– Добавьте макролид, – решительно сказала она. – Один грамм эритромицина внутривенно.

Медсестра подняла на нее глаза.

– Думаете, у него болезнь легионеров? – неуверенно спросила она.

– Посмотрим, что покажет посев...

Пациент дернулся, и Ирма замолчала.

Она перевела взгляд на его бледное лицо, долго смотрела в открытые глаза.

– Мне нужно домой, – зашептал юноша. – Меня зовут Микаэль Колер-Фрост, и мне нужно домой...

– Микаэль Колер-Фрост, – начала Ирма, – вы находитесь в Южной больнице...

– Она кричит все время!

Ирма вышла из палаты и почти бегом кинулась в свой простой кабинет. Закрывает дверь, надевает очки, села за компьютер и ввела пароль. В журнале, где отмечались пациенты, Микаэля не оказалось, и Ирма перешла дальше, в архив.

Там она и нашла его.

Ирма, бессознательно теребя безымянный палец, снова и снова перечитывала данные о пациенте, лежащем в отделении экстренной помощи.

Микаэль Колер-Фрост умер семь лет назад. Он похоронен на кладбище Мальста, в приходе Норртелье.

Глава 15

Пол и стены в помещении были бетонные. Комиссар уголовной полиции Йона Линна стоял на коленях. Человек в камуфляже целился ему в голову из пистолета, черного “зиг-зауэра”. Двери загораживал другой человек, направлявший на Йону бельгийский автомат.

На полу у стены стояла бутылка кока-колы. Каморку освещала лампа с гнутым алюминиевым абажуром.

Зажужжал мобильный телефон. Прежде чем ответить, человек с пистолетом велел Йоне опустить голову.

Второй мужчина положил палец на спусковой крючок и сделал шаг вперед.

Человек с пистолетом говорил по телефону, не спуская взгляда с Йоны. Камушки похрустывали под его солдатскими ботинками. Он кивнул, сказал несколько слов, снова стал слушать.

Мужчина с автоматом вздохнул и устроился на стоявшем у двери стуле.

Йона все так же неподвижно стоял на коленях – в тренировочных штанах и белой футболке, которая уже вымокла от пота. Рукава врезались в напряженные мышцы. Комиссар приподнял голову. Глаза серые, словно полированный гранит.

Человек с пистолетом хрипло произнес в телефон еще несколько слов и закончил разговор. Пару секунд он словно раздумывал, потом сделал четыре быстрых шага и прижал дуло пистолета комиссару ко лбу.

– Вот теперь я вас обезоружу, – приветливо сообщил Йона.

– Чего?

– Мне пришлось подождать, пока не представится возможность прямого физического контакта, – пояснил комиссар.

– Я только что получил приказ пристрелить тебя.

– Да, положение тяжелое. Мне придется убрать пистолет от лица, и у меня всего пять секунд, чтобы им воспользоваться.

– Как? – спросил человек у двери.

– Чтобы застать его врасплох, нельзя реагировать на его движения, – стал объяснять комиссар. – Поэтому я позволил ему подойти, остановиться и сделать ровно два вдоха-выдоха. Я дождусь окончания второго выдоха, а потом...

– Почему? – спросил человек с пистолетом.

– Я выиграю несколько сотых секунды, потому что ты не сможешь ответить на мой удар, пока не вдохнешь.

– Но почему именно второй выдох?

– Потому что это неожиданно рано и ровно посередине самого распространенного в мире счета “раз, два, три”...

– Понятно, – улыбнулся человек с пистолетом, показав коричневый резец.

– Первое, что придет в движение, – моя левая рука, – продолжал объяснять Йона в камеру наблюдения под потолком. – Она одним движением поднимется к дулу пистолета и отведет его от моего лица. Захват, рывок вверх, я вскакиваю на ноги, используя врага в качестве живого щита. Все – одним движением. В первую очередь я должен завладеть оружием, но в то же время наблюдать за человеком с автоматом: когда я захвачу оружие, он станет для меня главной угрозой. Я быстро, как можно сильнее ударю локтем в подбородок и шею, чтобы захватить пистолет, сделаю три выстрела, повернусь и сделаю еще три выстрела.

Находящиеся в комнате начали сначала. Ситуация повторилась.

Человек с пистолетом получил приказ по телефону, задумался, потом быстро подошел к Йоне и прижал дуло ко лбу комиссара. Выдохнул второй раз и хотел было вдохнуть, чтобы что-то сказать, – и тут Йона схватил дуло пистолета левой рукой.

Его движения оказались внезапными, молниеносными, хотя человек с пистолетом и ждал их.

Йона рванул пистолет в сторону, тем же движением – к потолку, вскочил на ноги. Наметил четыре быстрых движения локтем в сторону горла “врага”, завладел пистолетом и трижды выстрелил в грудь второму.

Грохот трех холостых выстрелов раскатился между стенами.

Первый “противник” отшатнулся назад, когда Йона повернулся и выстрелил ему в грудь.

“Врага” отбросило к стене.

Йона пробежал к двери, рванул к себе автомат, прихватил дополнительный магазин и покинул комнату.

Глава 16

Дверь тяжело грохнула о бетонную стену, отскочила. Йона вошел, на ходу меняя магазин. В соседней комнате восемь человек перевели взгляды с широкоформатного экрана на комиссара.

– Шесть с половиной секунд до первого выстрела, – сказал один.

– Все равно слишком долго, – ответил комиссар.

– Если бы удар локтем в горло был настоящий, Маркус выпустил бы пистолет раньше, – заметил долговязый человек с бритой головой.

– И тогда ты бы выиграл еще время, – улыбнулась женщина с командирскими знаками отличия.

Сцену в комнате с бетонными стенами прокрутили еще раз. Напряженные мускулы Йоны, мягкое движение вперед, линия прицела, палец ложится на спусковой крючок.

– Чертовски симпатично... – Командир группы широким жестом положила обе ладони на стол.

– Для полицейского, – закончил Йона.

Оба рассмеялись, откинулись на спинку стула, и командир почесала покрасневший кончик носа.

Йона взял переданный ему стакан минеральной воды. Он еще не знал, что очень скоро все его страхи вспыхнут огненным ураганом, еще не предчувствовал той искры, что готова упасть в море бензина.

Йона Линна находился в крепости Карлсбург, где преподавал группе особого назначения приемы ближнего боя. Не то чтобы комиссар считал себя высокоученым инструктором, но он был единственным в Швеции человеком, у которого столько практического опыта и которому есть чему научить курсантов. Когда Йоне было восемнадцать, он служил в воздушном десанте именно в Карлсбурге. Сразу после получения базового образования его завербовали в спецподразделение, незадолго до того созданное для выполнения оперативных задач, которые не могли решить традиционно обученные и вооруженные части.

И хотя он давным-давно оставил военную службу ради обучения в Полицейской школе, иногда ему все еще снилось, что он – десантник. В этих снах он летел в транспортном самолете, слышал оглушительный рев, выглядывал в люк... Тень самолета серым крестом бежит по бледной воде далеко внизу. Йона встает у пандуса, выпрыгивает в холодный воздух, слышит вой ветра, ощущает рывок – и повисает на стропах: парашют раскрылся. Вода приближается с поразительной скоростью. Черная резиновая лодка, вспенивая винтом воду, режет волны далеко внизу.

В Нидерландах Йона освоил эффективный ближний бой – с ножом, штыком и пистолетом. Еще его учили использовать меняющуюся обстановку в свою пользу и работать с новейшим оружием. Особая система ближнего боя – израильская крав-мага – позволяла быстро и эффективно добиваться цели.

– Значит, начнем с этой ситуации и в течение дня будем усложнять ее, – предложил Йона.

– Например, застрелить одной пулей двух человек? – улыбнулся бритоголовый.

– Невозможно.

– А мы слышали, что тебе это удалось. – В голосе женщины звучало любопытство.

– Да ну, – улыбнулся Йона и руками пригладил светлые взлохмаченные волосы.

Во внутреннем кармане зазвонил телефон. Комиссар взглянул на дисплей. Звонил Натан Поллок из Государственной уголовной полиции. Натан знал, где сейчас Йона, и не стал бы звонить по пустякам.

– Прошу прощения. – И Йона нажал кнопку приема.

Слушая, он отпил из поданного стакана. Сначала он улыбался, но потом посерьезнел. Внезапно комиссар побелел как стена.

– Юрек Вальтер все еще в изоляторе? – спросил он.

Руки у него дрожали так, что пришлось поставить стакан на стол.

Глава 17

Сквозь метель Йона пробежал к своей машине, сел. Проехал напрямик по гравийной площадке, на которой тренировался восемнадцатилетним, развернулся – под колесами хрустнуло – и покинул территорию гарнизона.

Сердце тяжело колотилось. Комиссар все еще не мог поверить в то, о чем рассказал Натан. Капли пота блестели на лбу, дрожь в руках не унималась.

На шоссе E-20, уже возле Арбуги, он обогнал караван длинных фур. Комиссару пришлось крепко вцепиться в руль – тяжелые грузовики подняли ветер, от которого “вольво” повело в сторону.

Из головы не выходил разговор с Поллоком – разговор, прервавший занятие с группой особого назначения.

Совершенно спокойным голосом Натан сообщил, что Микаэль Колер-Фрост жив.

Йона всегда был убежден, что мальчик и его младшая сестра – две из многочисленных жертв Юрека Вальтера. И вот Натан рассказал, что полиция обнаружила Микаэля на железнодорожном мосту в Сёдертелье и привезла в Южную больницу.

По словам Поллока, юноша был в тяжелом состоянии, но его жизни ничто не угрожало. Его пока никто не допрашивал.

– Юрек Вальтер все еще в изоляторе? – таков был первый вопрос Йоны.

– Да.

– Ты уверен?

– Уверен.

– А мальчик? Откуда вы знаете, что он – Микаэль Колер-Фрост?

– От несколько раз отчетливо произнес свое имя. Только это мы и знаем... и возраст совпадает. Разумеется, мы отправили слюну на анализ в лабораторию...

– Но отцу не сообщали?

– Сначала надо сравнить ДНК. В таком деле нельзя ошибиться.

– Я уже еду.

Глава 18

Черный, покрытый слякотью асфальт убегал под колеса автомобиля. Комиссар изо всех сил старался не гнать машину. В памяти вставали картины того, что случилось много лет назад.

Микаэль Колер-Фрост, думал он.

Микаэля Колер-Фроста нашли живым спустя столько лет.

Одного только имени “Фрост” хватило, чтобы Йона заново пережил всё.

Он обогнал залепленную грязью белую машину, заметив краем глаза, как малыш машет ему какой-то мягкой игрушкой. Комиссар погрузился в воспоминания. Вот он в уютно захлавленной гостиной, в гостях у коллеги – Самюэля Менделя.

Самюэль наклоняется к нему через стол, черные кудри падают на лоб, и повторяет следом за Йоной:

– Серийный убийца?

Тринадцать лет назад Йона начал предварительное расследование, которому суждено было полностью изменить жизнь комиссара. Вместе со своим напарником, Самюэлем Менделем, он приступил к поиску двух человек, пропавших в Соллентуне.

Первой была пятидесятипятилетняя женщина, которая не вернулась с вечерней прогулки. Ее собака обнаружилась позади магазина “Ика Квантум” – она бежала по подъездной дороге, и поводок волочился за ней. Два дня спустя пропала свекровь женщины – на короткой дороге между домом престарелых и пунктом приема лотерейных билетов “Бинго”.

Выяснилось, что пять лет назад в Бангкоке пропал брат женщины. К делу подключились Интерпол и Министерство иностранных дел, но мужчину так и не нашли.

Мировой статистики по пропавшим без вести не существует, но каждому ясно, что число их колоссально. В США пропадают почти сто тысяч человек в год, в Швеции – около семи тысяч.

Большинство удастся найти, но тех, кто пропадает бесследно, все-таки чудовищно много.

Но лишь немногие из пропавших бесследно бывают похищены или убиты.

И Йона, и Самюэль не так давно служили в уголовной полиции, когда оба заинтересовались пропавшими в Соллентуне женщинами. Некоторые обстоятельства весьма напомнили обстоятельства исчезновения еще двух человек – в Эребру, четыре года назад.

Тогда пропали сорокалетний мужчина и его сын. Они направлялись в Глансхаммар, на гостевой матч по футболу, но в Глансхаммаре так и не появились. Их машину нашли покинутой на узкой лесной дороге, ведущей отнюдь не к месту соревнований.

Сначала было предположение, брошенная в воздух мысль.

Что, если между этими событиями есть некая связь, несмотря на разницу в географии и во времени?

Тогда не такой уж нелепой выглядела гипотеза о том, что и другие пропавшие могут оказаться связанными с этими четверыми.

Подобные подготовительные, предварительные расследования – рутинная полицейская работа, выполняется она за письменным столом, за компьютером. Йона с Самюэлем собирали и структурировали информацию обо всех, кто бесследно пропал в Швеции за последние десять лет.

Они хотели понять, есть ли у кого-то из пропавших без вести нечто общее, что не являлось бы простой случайностью.

Напарники клали разные дела одно на другое, как листы прозрачной бумаги, – и вот, словно они рисовали картинку, где требовалось соединить точки линиями, перед ними выступило подобие звезды.

Неожиданный рисунок показал: пропавшие часто происходили из семей, где и до этого бесследно исчезал человек, порой и не один.

Йона вспомнил, какая тишина воцарилась в кабинете, когда они сделали шаг назад и рассмотрели результат. Сорок пять пропавших без вести подпадали именно под этот критерий. Многих, вероятно, придется исключить в ближайшие же дни, но сорок пять – это на тридцать пять больше, чем просто случайность.

Глава 19

В рабочем кабинете Самюэля висела большая карта Швеции, на которой булавками были отмечены места, где пропадали люди.

Оба они, конечно, понимали, что не все пропавшие убиты, но решили пока никого не отмечать.

Так как никто из известных им преступников не подходил по времени исчезновений, они сосредоточились на поисках мотива или *modus operandi*. Ни одно из уже расследованных убийств не напоминало эти. Убийца, с которым они столкнулись на этот раз, не оставлял следов насилия и очень тщательно прятал тела своих жертв.

В зависимости от выбора жертв серийных убийц обычно делят на две группы. В одну попадают педанты, ищущие идеальную жертву, которая как можно лучше соответствует их фантазиям. Такие убийцы нападают на людей определенного типа – например, исключительно на белокурых мальчиков лет двенадцати.

Для другой группы, генералистов, решающим оказывается доступность жертвы. Жертва главным образом играет некую роль в фантазиях убийцы, так что не имеет значения, кто жертва на самом деле и как он или она выглядит.

Но тот серийный убийца, которого нутром чуяли Йона и Самюэль, не попадал в эти категории. С одной стороны, он был генералистом, поскольку его жертвами становились совершенно не похожие друг на друга люди, а с другой – почти ни одна жертва не была легкодоступной.

Они искали убийцу-невидимку. Рисунка не просматривалось, маньяк не оставлял ни следов, ни какой-либо внятной подписи.

День шел за днем, пропавшие в Соллентуне женщины не находились.

Йона с Самюэлем не могли предъявить начальству никаких конкретных данных. Они только твердили: существование убийцы – единственное, что объясняет все эти исчезновения. Через два дня их предварительное расследование вычеркнули из списка первоочередных, и они остались без ресурсов, благодаря которым могли бы продолжать работу.

Но напарники не сдались. Они стали посвящать поискам свободные вечера и выходные.

Они сосредоточились на общем рисунке. Если пропадали два человека из одной семьи, то значительно возрастал риск того, что в скором времени исчезнет еще один их родственник.

Пока они занимались семьей пропавших в Соллентуне женщин, из Тюресё поступило заявление об исчезновении двоих детей. Микаэль и Фелисия Колер-Фрост. Сын и дочь известного писателя Рейдара Фроста.

Глава 20

Проезжая съезд на “Статойл” с заснеженной площадкой для отдыха, Йона еще раз взглянул на уровень топлива.

Он вспомнил, как говорил с Рейдаром Фростом и его женой Русеанной Колер через три дня после исчезновения их детей. Йона не сказал тогда о своих подозрениях: что дети убиты маньяком, которого полиция больше не ищет, убийцей, существование которого им с Самюэлем удалось установить чисто теоретически.

Йона просто задавал вопросы, позволив родителям уцепиться за мысль, что дети утонули.

Семья жила на Варвсвэген, в красивом доме с видом на побережье и море. Уже несколько недель стояла оттепель, и снег растаял. Улицы и тротуары – черные, мокрые. Вдоль берега чернела вода, а оставшийся лед был темно-серым, мокрым.

Йона помнил, как шел по дому, мимо просторной кухни, как сел за огромный белый стол у окна в полстены. Русеанна задернула шторы на всех окнах, и хотя ее голос был спокойным, голова ее мелко тряслась.

Детей так и не нашли. Вертолеты то и дело поднимались в воздух, водолазы спускались под воду и обследовали дно в поисках тел, в прочесывании местности участвовали добровольцы и специальное подразделение кинологов с собаками.

Но никто ничего не нашел.

У Рейдара Фроста был взгляд попавшего в капкан животного.

Все, чего он хотел, – это продолжать поиски.

Йона сидел за столом напротив родителей, задавал рутинные вопросы – не угрожали ли им, не вел ли себя кто-нибудь странно или необычно, не было ли у них ощущения, что за ними следят.

– Все думают, что они утонули, – прошептала жена, и голова ее снова затряслась.

– Вы сказали, что они иногда вылезали через окно, уже после вечерней молитвы, – спокойно продолжал Йона.

– Им запрещено было это делать, – сказал Рейдар.

– Но вам известно, что иногда они выскальзывали из дому и на велосипедах отправлялись к приятелю?

– К Рикарду.

– Рикард ван Хорн, проживает на Бьёрнбэрсвэген, семь, – уточнил Йона.

– Мы пытались поговорить с Микке и Фелисией, но... они же дети, и мы думали, это не так уж опасно, – пояснил Рейдар и мягко положил ладонь на руку жены.

– Что они делали у Рикарда?

– Сидели, играли в “Дьябло”. Недолго.

– Все так делают, – прошептала Русеанна и убрала руку.

– Но в прошлую субботу они поехали не к Рикарду, а на Бадхольмен, – продолжал комиссар. – Они часто ездили туда по вечерам?

– Вряд ли. – Русеанна беспокойно встала из-за стола, словно не могла больше сдерживать внутреннюю дрожь.

Йона кивнул.

Он знал, что мальчику по имени Микаэль кто-то позвонил и сразу после этого он и его младшая сестра покинули дом. Отследить номер оказалось невозможным.

Сидеть перед родителями было невыносимо. Йона ничего не говорил, но чем дальше, тем больше был уверен: дети стали очередными жертвами серийного убийцы. Комиссар слушал, задавал вопросы, но высказать родителям свои мысли не мог.

Глава 21

Если брат с сестрой действительно оказались жертвами убийцы, если они с Самюэлем правы в своих расчетах и маньяк вскоре попытается убить кого-нибудь из родителей, им придется принять какое-то решение.

Йона с Самюэлем решили сосредоточиться на охране Русеанны Колер.

Она переехала к сестре, в Ердет. В Стокгольм.

Сестра со своей четырехлетней дочкой проживала в доме на несколько семей – доме номер двадцать пять по Ланфорсвэген, недалеко от парка Лилль-Янскуген.

Йона с Самюэлем по очереди караулили белый домик по ночам. Всю неделю то тот, то другой сидел в припаркованной чуть ниже по улице машине, пока не начнет светать.

Вечером восьмого дня Йона сидел, откинувшись на сиденье, и привычно наблюдал, как живущие в доме люди готовятся ко сну. Лампы гасли одна за другой в очередности, которую он уже успел выучить.

Женщина в серебристой стеганой куртке сделала обычный круг, выгуливая золотистого ретривера. Потом погасло и последнее окно.

Автомобиль Йоны стоял в темноте Порьюсвэген, между грязным пикапом и красной “тойотой”.

В зеркале заднего вида отражались заснеженные кусты и высокая ограда вокруг электрораспределителя.

Жилые дома перед ним тонули в спокойствии. В ветровое окно комиссар смотрел на статичный свет уличных фонарей, на тротуары и черные окна домов.

Он вдруг улыбнулся, вспомнив, как ужинал с женой и дочкой, перед тем как отправиться сюда. Люми торопилась, чтобы успеть обследовать Йону.

– Сначала я хочу доесть, – рискнул он.

Но Люми скорчила важную мордашку и через его голову спросила маму, сам ли он чистит зубы.

– Он ужасно умный, – ответила Сумма.

И она, посмеиваясь, сообщила, что когда Йона ест, его зубы уходят и сразу возвращаются. Люми прижала к его подбородку обрывок бумажного полотенца и попыталась влезть пальцами ему в рот, отчего Йоне пришлось широко зевнуть.

Мысли о Люми вдруг улетучились – в квартире сестры зажегся свет. Йона увидел, как Русеанна, во фланелевой ночной рубашке, стоя говорит по телефону.

Свет снова погас.

Прошел час, но район был безлюден.

Йона уже начинал мерзнуть, как вдруг заметил в зеркале заднего вида фигуру. Какой-то человек, согнувшись, приближался к нему по пустой улице.

Глава 22

Йона чуть сполз по сиденью, не отрывая взгляда от фигуры в зеркале и стараясь, чтобы лицо оставалось в тени.

Когда человек подошел, закачались ветки рябины.

В сером свете распределителя Йона увидел, что это Самюэль.

Напарник пришел почти на полчаса раньше.

Он открыл дверцу машины, забрался на пассажирское сиденье, откинулся назад, вытянул ноги и вздохнул.

– Ты такой высокий, светловолосый... Нам с тобой тут очень уютно и все такое, но я все равно предпочитаю спать с Ребеккой... и делать домашние задания с мальчишками.

– Можешь поделаться домашнее задание со мной, – предложил Йона.

– Спасибо, – рассмеялся Самюэль.

Йона бросил взгляд на дом с закрытой дверью, на ржавые перила балконов и отливающие черным окна.

– Подежурим здесь еще три дня, – предложил он.

Самюэль достал серебристый термос с *yoich*, как он называл куриный суп.

– Я тут много думал... – начал он. – С этим случаем столько неясного... Мы пытаемся найти убийцу, которого, может быть, вообще не существует.

– Он существует, – упрямо ответил Йона.

– Он не соответствует тому, что нам известно, ни в один план расследования не вписывается...

– Это потому... потому, что его никто не видел. Мы его заметили только потому, что его тень падает на статистику.

Они молча посидели рядом. Самюэль дул на суп, на лбу его выступил пот. Йона мурлыкал танго, скользя взглядом с окна Русеанны на сосульки вдоль крыши, потом вверх, на покрытые снегом печные трубы и вентиляционные отверстия.

– За домом кто-то есть, – прошептал вдруг Самюэль. – Кажется, я видел движение.

Самюэль указал куда-то в темноту, но все оставалось неподвижным, как во сне.

В следующее мгновение Йона заметил облачко снега, поднявшееся над кустом возле дома, – словно мимо куста кто-то прошел.

Напарники как можно тише открыли дверцы и выскользнули из машины.

В уснувших домах царил тишина. Слышны были только шаги полицейских и электрическое жужжание распределителя.

Оттепель продержалась недели две, но недавно снова пошел снег.

Полицейские приблизились к торцу без окон, молча спустились по поросшему травой склону, прошли мимо магазина обоев.

Свет ближайшего уличного фонаря освещал гладкий снег на пустыре за домами. Напарники остановились, пригнувшись, на углу торца и стали рассматривать тесно растущие деревья, тянущиеся к Королевскому теннисному корту и парку Лилль-Янскуген.

Сначала Йона ничего не увидел в темноте за скрюченными ветками.

Он уже хотел было подать Самюэлю знак отступить, как вдруг заметил чью-то фигуру.

Среди деревьев стоял мужчина. Неподвижный, словно покрытые снегом ветви деревьев.

Сердце забило быстрее.

Невысокий худой мужчина уставился, словно привидение, на окно, за которым спит Русеанна Колер.

Он не выражает торопливости, у него как будто нет определенных намерений.

Йону наполнила ледяная уверенность: человек, стоящий в саду, и есть маньяк, существование которого они угадали.

Худое морщинистое лицо – в тени.

Он просто стоял там, словно питался видом дома, насыщался его спокойствием, словно жертва уже попалась, как рак в садок.

Полицейские вытащили пистолеты, но что делать – не знали. Они столько времени сторожили Русеанну – и так и не договорились, что станут делать, если окажутся правы в своих подозрениях.

Они не могли арестовать человека, который просто стоял и смотрел на темное окно. Конечно, они выяснили бы, кто он, но потом им пришлось бы отпустить его.

Глава 23

Йона не сводил глаз с фигуры, замершей между стволами деревьев. Он ощущал тяжесть полуавтоматического пистолета, чувствовал, как сводит пальцы от ночного холода, слышал, как дышит рядом Самюэль.

Ситуация уже начинала становиться абсурдной, когда человек в саду внезапно шагнул вперед.

Оказалось, что в руках у него сумка.

Потом трудно было понять, почему они решили, что перед ними тот, кого они ищут.

Человек с сумкой просто спокойно улыбнулся окну Русеанны и скрылся в кустах.

Полицейские скользнули за ним. Снег, лежащий на траве, похрустывал под ногами. Напарники шли по свежим следам прямо через спящий лиственный лес и наконец оказались у старых железнодорожных путей.

Фигуру они увидели далеко справа, на рельсах. Мужчина прошел под высоким столбом электропередачи, прошел через перекрещивающиеся тени железных ферм.

По старым рельсам иногда ходили товарные поезда. Пути тянулись от Вертахамнена через весь Лилль-Янсскуген.

Йона и Самюэль двинулись за странным человеком по глубокому снегу, по склону насыпи, чтобы их не было видно.

Пути уходили под виадук и дальше, в густой лес. Снова стало гораздо тише и темнее.

Тесно стояли черные деревья с покрытыми снегом ветвями.

Йона и Самюэль шли молча, торопливо, чтобы не упустить человека с сумкой.

Когда они повернули возле болота Угглевикен, оказалось, что прямые рельсы пусты.

Человек отклонился от путей где-то в лесу.

Напарники поднялись на насыпь, оглядели белый лес и двинулись назад. В последние дни шел густой снег, и лес был почти неподвижен.

И вот они увидели потерянный след. Тщедушный человечек свернул с рельсов прямо в лес. Земля под снежным покровом была сырой, и отпечатки ног успели потемнеть. Минут десять назад следы были белыми, неразличимыми в слабом свете, но теперь они темнели, как свинцовые.

Они пошли по следам в лес, в направлении большого водохранилища. Между деревьями было почти черно.

Трижды неровные следы убийцы пересекались легкими заячьими.

На какое-то время тьма сгустилась еще больше, и Йона с Самюэлем решили, что опять потеряли его. Они остановились, снова нашли след и заспешили дальше.

Внезапно они услышали тонкий жалобный звук, как будто плакало какое-то животное. Ни Йоне, ни Самюэлю еще не случалось такого слышать. Они двинулись по следам, на звук.

То, что открылось в просвете между деревьями, показалось им иллюстрацией какой-то гротескной истории о Средневековье. Человек, которого они преследовали, стоял на краю разрытой могилы – снег вокруг почернел от земли. Истощенная грязная женщина пыталась вылезти из гроба или ящика, она, плача, карабкалась вверх, цепляясь за край гроба. Но едва ей удавалось чуть-чуть подняться, человек с сумкой сталкивал ее вниз.

Какое-то время Йона с Самюэлем молча смотрели, потом сняли оружие с предохранителя и бросились вперед.

Мужчина не был вооружен, и Йона знал – нужно целиться в ноги, но все же направил пистолет в сердце.

Они пробежали по грязному снегу, повалили человека с сумкой на живот, сковали руки и ноги.

Самюэль, задыхаясь, стоял над ним с пистолетом. Он связался с центральной диспетчерской.

Йона расслышал в его голосе рыдания.

Они взяли серийного убийцу, о котором никому ничего не было известно.

Его звали Юрек Вальтер.

Йона осторожно помог женщине вылезти из гроба, попытался успокоить ее. Женщина легла на землю и стала дышать широко открытым ртом. Объясняя, что помощь уже в пути, Йона заметил какое-то движение между деревьями. Что-то большое бросилось прочь, хрустнула ветка, закачались еловые лапы, и снег упал мягко, как ком ткани.

Может быть, косуля.

Позже Йона понял, что это был сообщник Вальтера, но тогда они думали только о спасении женщины и о том, чтобы доставить преступника в следственную тюрьму Крунуберг.

Выяснилось, что женщина пролежала в гробу почти два года. Должно быть, Вальтер регулярно навещал ее, приносил еду и воду, а потом снова зарывал.

Женщина ослепла, была страшно истощена. Мускулы атрофировались, тело деформировали пролежни, а руки и ноги были обморожены.

Сначала думали, что она только сильно травмирована, но потом выяснилось, что и мозг женщины серьезно поврежден.

Глава 24

Придя в половине пятого утра домой, Йона тщательно запер дверь. С тревожно бьющимся сердцем он придвинул разгоряченную сном, вспотевшую Люми поближе к себе, потом лег, обхватив рукой ее и Сумму. Йона понимал, что не уснет, но ему нужно было полежать рядом с женой и дочерью.

В семь он уже снова был в Лилль-Янскугене. Район оцепили, но снег вокруг ямы был уже настолько истоптан полицейскими, собаками и спасателями, что искать следы возможного соучастника не имело смысла.

Уже в десять часов полицейская собака залаяла возле болота Угглевикен, всего в двухстах метрах от “могилы” женщины. Вызвали криминалистов и через два часа вырыли останки мужчины средних лет и мальчика лет пятнадцати. Обоих кто-то затолкал в синий пластмассовый бак. Вскрытие показало, что их зарыли почти четыре года назад. Они прожили недолго, хотя в бак были вставлены воздушные трубки.

Юрек Вальтер, согласно записям, проживал на Бьёрнёвэген, в районе Хувшё в Сёдертелье. Его единственный адрес. Если верить службе регистрации жителей, он осел здесь сразу после того, как в 1994 году прибыл из Польши и получил разрешение на работу.

Вальтер работал механиком в небольшой фирме “Менге”, где занимался ремонтом стрелочного перевода и дизельных двигателей.

Все указывало на то, что он жил спокойной уединенной жизнью.

Бьёрнёвэген – часть однородного жилищного комплекса, построенного в начале семидесятых в живописном Хувшё в Сёдертелье.

Ни Йона с Самюэлем, ни криминалисты не представляли себе, с чем столкнутся в квартире Вальтера. Будет там камера пыток или коллекция трофеев, банки с формалином, морозильные камеры, полные рук и ног, полки с фотодокументацией?

Полиция оцепила район вокруг высотного дома и весь второй этаж.

Эксперты натянули робы, открыли дверь и принялись расставлять таблички с номерами, чтобы не потерять ни единой улики.

Юрек Вальтер проживал в двухкомнатной квартире. Тридцать три квадратных метра.

На полу, под прорезью для почты, валялись рекламные листовки. Прихожая была пуста. Ни обуви, ни одежды, ни гардероба у входной двери.

Полицейские прошли дальше.

Йона приготовился к тому, что кто-нибудь мог спрятаться в квартире, но все было спокойно, словно само время покинуло это место.

Жалюзи были опущены. В квартире пахло нагретой солнцем пылью.

Кухня без мебели. Холодильник нараспашку. Его, похоже, никогда и не использовали. На конфорках плиты – легкая ржавчина. В духовке, на противне, на котором никогда ничего не пекли, обнаружилась инструкция “Электролюкс”. Единственной едой оказались найденные в буфете консервированные ананасы кольцами.

В спальне стояла узкая кровать без постельного белья и гардероб, в котором на единственной вешалке висела единственная чистая рубашка.

Все.

Йона пытался понять, что же означает пустая квартира. Ясно было, что Вальтер здесь не живет.

Возможно, эта квартира нужна ему только для того, чтобы иметь почтовый адрес.

В квартире не было ничего, что вело бы дальше. Один-единственный отпечаток пальца принадлежал самому Вальтеру.

О нем не было никаких записей ни в реестре судимостей, ни в базе подозреваемых, ни в списках социальной службы. У Юрека Вальтера не было страховки, он никогда ничего не покупал в кредит, он платил подоходный налог из своей зарплаты и никогда не требовал никаких льгот.

Существует огромное множество разных реестров, списков и баз данных. Более трехсот из них содержат личную информацию о гражданах. Сведения о Юреке Вальтере содержались только там – как гражданин страны он не мог этого избежать.

Во всем остальном он был невидимкой.

Он никогда не брал больничный, не обращался за медицинской помощью, не бывал у зубного врача.

Сведений о нем не содержалось ни в реестре владельцев оружия, ни в школьных реестрах, ни в списках политических партий или религиозных общин.

Юрек Вальтер словно задался целью прожить жизнь как можно незаметнее.

Крупницы информации о нем нигде не привели.

Те немногие, кто имел дело с Вальтером на работе, ничего о нем не знали. Они рассказывали, что он не особенно разговорчив, но что он весьма стоящий механик.

Когда шведские полицейские получили ответ от своих польских коллег, оказалось, что человек по имени Юрек Вальтер уже много лет мертв, поскольку означенного Юрека Вальтера обнаружили убитым в общественном туалете главного краковского вокзала. Поляки прислали и фотографию, и отпечатки пальцев.

Ни изображение, ни отпечатки не совпали с таковыми шведского Вальтера.

Вероятно, он просто украл документы настоящего Юрека Вальтера.

Человек, которого схватили в парке Лилль-Янсскуген, становился все более пугающей загадкой.

Три месяца полиция прочесывала лес, но других жертв Вальтера, помимо найденных в баке мужчины и мальчика, не обнаружила.

До тех пор, пока Микаэль Колер-Фрост не пришел пешком по железнодорожному мосту в Стокгольм.

Глава 25

Предварительным расследованием руководил прокурор. Йона с Самюэлем вели допросы со времени ареста до самого судебного разбирательства. На допросе в следственной тюрьме Вальтер ни в чем не признался, но и не отрицал преступлений. Он только философствовал насчет смерти и превратностей человеческой жизни. Поскольку доказательств так и не собрали, обстоятельства ареста, отсутствие объяснений и судебно-психиатрической экспертизы привели к тому, что дело слушалось в административном суде второй инстанции. Защитник Вальтера обжаловал приговор, и в ожидании слушаний в апелляционном суде допросы в следственной тюрьме Крунуберг продолжились.

Персонал тюрьмы, почти ко всему привычный, в присутствии Юрека Вальтера нервничал. Служащие пребывали в отвратительном настроении. Яростные конфликты вспыхивали на пустом месте, двое охранников подрались так, что обоим пришлось увозить на “скорой помощи”.

На экстренном совещании было принято решение о новых мерах безопасности и о том, что с этого дня Вальтеру запрещено видаться с другими заключенными или показываться в комнате отдыха.

Самюэль взял больничный, и Йоне пришлось одному ходить по коридору, где перед рядом зеленых дверей стоял ряд белых термосов, а по блестящему линолеуму тянулись длинные черные царапины.

Дверь в пустую камеру Вальтера была открыта. Холодные стены, окно с решеткой. Утренний свет падает на затертый матрас в целлофане, лежащий на прикрученной к стене койке, и на раковину из нержавеющей стали.

Полицейский в синей рубашке, беседовавший в глубине коридора с сиро-яковитским священником, прокричал Йоне:

– Его отвели в комнату для допросов номер два!

У дверей комнаты для допросов ждал охранник. Через окошко Йона увидел, что Вальтер сидит, опустив голову. Перед ним стоял его защитник и еще двое охранников.

– Я здесь, чтобы слушать, – объявил Йона, входя в кабинет.

На какое-то мгновение все смолкли, потом Вальтер тихо, не поднимая головы, попросил адвоката уйти.

– Подождите в коридоре, – сказал Йона охранникам.

Оставшись один на один с Вальтером, Йона придвинул стул и сел так близко к Вальтеру, что почувствовал, как от того пахнет потом.

Вальтер сидел неподвижно, опустив голову.

– Ваш защитник утверждает, что вы находились в Лилль-Янсскугене, чтобы освободить женщину, – начал Йона нейтральным тоном.

Юрек, уставившись в пол, молчал минуты две, после чего с неподвижным лицом произнес:

– Я слишком много говорю.

– Достаточно сказать правду.

– А какой мне в этом смысл, если меня посадят ни за что, – заметил Вальтер.

– Вы окажетесь в тюрьме.

Юрек повернул лицо к Йоне и задумчиво сказал:

– Жизнь давным-давно вытекла из меня. Я ничего не боюсь. Ни боли... ни одиночества, ни тоски.

– Но я ищу правды, – с продуманной наивностью сказал Йона.

– Не надо ее искать. Это как со справедливостью или богами. Их выбираешь, если они тебе нужны.

– Никто не выбирает ложь.

Зрачки Вальтера сузились, и он проговорил:

– С подачи прокурора мои действия будут рассматривать в апелляционном суде как подтвержденные, никто не усомнится ни на минуту. – Просительных интонаций в его голосе не было.

– По-вашему, это неправильно?

– Не стану останавливаться на технических моментах. Разрыть могилу и засыпать ее снова – это одно и то же.

В тот день Йона выходил из комнаты для допросов, окончательно уверившись: Юрек Вальтер – исключительно опасный человек. В то же время он не мог отделаться от мысли, что Вальтер, возможно, хотел дать ему понять, что взял на себя чужую вину. Конечно, он понимал, что слова Вальтера могли оказаться попыткой посеять семя сомнения, но Йона не мог отмахнуться от того, что в позиции обвинения явно имелась трещина.

Глава 26

За день до судебного процесса Йона, Сумма и Люми ужинали в гостях у Самюэля. Когда все садились за стол, солнце светило сквозь льняные занавески, но теперь уже вечерело. Ребекка зажгла стеариновые свечи на столе, задула спичку. Свет качнулся в ее светлых глазах, один со странным зрачком. Когда-то Ребекка объясняла, что это называется дискория и не опасно, этим глазом она видит так же хорошо, как другим.

Спокойная, безмятежная трапеза завершилась темным медовым пирогом, а потом Йоне вручили кипу – на время молитвы биркат а-мазон.

Это был последний раз, когда Йона видел семью Самюэля.

Мальчики воспитанно поиграли немного с маленькой Люми, потом Йошуа погрузился в видеоигру, а Рубен закрылся в своей комнате, чтобы поупражняться на кларнете.

Ребекка вышла на задний двор покурить, Сумма составила ей компанию, захватив с собой бокал вина.

Йона и Самюэль убрали со стола и тут же заговорили о работе, о завтрашнем процессе.

– Меня там не будет, – серьезно заявил Самюэль. – Не знаю... я не боюсь, но душа как будто пачкается... с каждой секундой становится в его присутствии все грязнее.

– Я уверен, что он виновен.

– Но?..

– Я думаю, у него есть сообщник.

Самюэль вздохнул и составил тарелки в мойку.

– Мы остановили серийного убийцу, – сказал он. – Одного-единственного психа, который...

– На месте преступления он был не один, – перебил Йона.

– Один, один, – улыбнулся Самюэль и принялся смывать остатки еды.

– Не так уж редко у серийного убийцы бывает компания, – настаивал Йона.

– Да, но ничто не указывает на то, что Юрек Вальтер принадлежит к этой группе, – весело парировал Самюэль. – Мы сделали свою работу, сделали до конца, но тебе, Йона, обязательно нужно поднять указательный палец и сказать ודילמא איפכא.

– Я так сказал? – улыбаясь, спросил Йона. – И что это значит?

– Возможно, речь идет о чем-то противоположном.

– Очень может быть, – кивнул Йона.

Глава 27

Солнце проникало в зал сквозь окна дворца Врангеля, в которых застыли пузырьки воздуха. Адвокат Юрека Вальтера сообщил, что его клиент из-за процесса пребывает в столь подавленном состоянии, что не может объяснить, с какой целью оказался на месте преступления в день задержания.

Йону вызвали в качестве свидетеля. Он описал и слежку, и задержание. После этого защитник спросил, не думает ли Йона, что прокурор, описывая преступление, исходит из ложной гипотезы.

– Может ли оказаться, что в суде второй инстанции мой клиент был осужден за преступление, совершенное кем-то другим?

Йона встретил тревожный взгляд защитника и тут же отчетливо вспомнил, как женщина пыталась выкарабкаться из гроба, а Вальтер без малейших признаков агрессии раз за разом спихивал ее вниз.

– Я задаю вам этот вопрос, потому что вы были на месте преступления, – продолжал адвокат. – Может ли оказаться, что Юрек Вальтер на самом деле помогал женщине выбраться из могилы?

– Нет, – ответил Йона.

После двухчасового обсуждения председатель суда сообщил, что приговор суда первой инстанции признан верным. Когда зачитывали еще более жесткий приговор, на лице Вальтера не дрогнул ни один мускул.

Его должны были отправить на принудительное психиатрическое лечение в закрытом учреждении, с невероятно длинным списком особых условий возможных отпусков из лечебницы.

Вальтер, учитывая его связь с еще несколькими находящимися в производстве расследованиями, подвергся особо строгим ограничениям.

Когда председатель суда закончил читать приговор, Вальтер повернулся к Йоне. Лицо маньяка было покрыто сетью морщин, светлые глаза смотрели прямо в глаза Йоне.

– А теперь пропадут без вести двое сыновей Самюэля Менделя, – утомленно произнес Вальтер, пока его адвокат собирал бумаги. – И жена его Ребекка пропадет без вести, но... Послушай-ка меня, господин Линна. Полиция будет искать их, потом прекратит поиски, и Мендель продолжит искать в одиночку. А когда поймет, что никогда больше не увидит свою семью, он покончит с собой.

Йона встал, собираясь уходить.

– И твоя маленькая дочка... – продолжил Вальтер, рассматривая свои ногти.

– Берегись, – сказал Йона.

– Люми пропадет без вести... – прошептал Вальтер. – И Сумма пропадет без вести... И когда ты поймешь, что никогда не отыщешь их, ты повесишься.

Он поднял глаза и посмотрел Йоне в лицо. По его чертам разливалось спокойствие, словно назначенный им порядок уже существует.

Осужденного отвели назад, в следственную тюрьму, ожидать транспортировки в клинику. Однако персонал Крунуберга так спешил избавиться от Вальтера, что тюремный автобус заказали прямо из дворца Врангеля. Вальтера должны были перевезти в отделение судебной психиатрии в двух милях к северу от Стокгольма.

Вальтера ожидала строгая изоляция в особо охраняемом отделении, и неизвестно было, сколько времени ему суждено там провести. Самюэль Мендель воспринял слова Валь-

тера как бессильные угрозы арестанта, однако Йона не мог отделаться от мысли, что угрозы эти звучали правдиво, как некий свершившийся факт.

Следователи не обнаружили его связи с другими преступлениями, и дело Юрека Вальтера вычеркнули из списка первоочередных.

Его не отложили в долгий ящик, просто заморозили.

Йона отказывался сдаваться, но многих элементов головоломки все еще не хватало, а следы вели в тупик. И хотя Вальтер был задержан и осужден, они с Самюэлем знали о нем не больше, чем раньше.

Он так и остался загадкой.

Два месяца спустя Йона с Самюэлем сидели за двойным эспрессо в “Иль Кафе” недалеко от полицейского управления. Оба уже работали над другим делом, но продолжали регулярно встречаться и обсуждать дело Вальтера. Они не единожды перевернули весь связанный с ним материал, но так и не нашли ничего, что показало бы: у Вальтера был сообщник. Оба уже почти готовы были обернуть все в шутку и не подозревать невиновных, когда произошло ужасное.

Глава 28

На столике возле чашки Самюэля зажужжал телефон. На дисплее высветилась фотография Ребекки – с тем самым каплевидным зрачком. Йона рассеянно слушал разговор, подбирая сахарную посыпку с булочки с корицей. Ребекка с мальчишками, видимо, собрались на Даларё раньше, чем договаривались, и Самюэль сказал, что купит еды по дороге. Он попросил жену быть осторожнее за рулем и, прощаясь, несколько раз поцеловал трубку.

– Плотник, который чинил веранду, хотел, чтобы мы скорее посмотрели обшивку, – объяснил Самюэль. – Если все нормально, маляр придет уже в выходные.

Вернувшись в управление, Йона с Самюэлем разошлись по кабинетам и не виделись до конца рабочего дня.

Когда пять часов спустя Йона ужинал с семьей, позвонил Самюэль. Он задыхался и говорил настолько тревожно-торопливо, что Йона едва понимал его. Одно было ясно: Ребекки с детьми на Даларё не оказалось. Их не было в доме, они не отвечали на телефонные звонки.

– Наверняка этому есть объяснение, – предположил Йона.

– Я обзвонил все больницы, все полицейские участки!..

– Где ты сейчас?

– На Даларёвэген, возвращаюсь на остров, в дом.

– Что я могу для тебя сделать? – спросил Йона.

Ему в голову уже пришли кое-какие мысли, но все равно волосы встали дыбом, когда Самюэль ответил:

– Проверь, не сбежал ли Вальтер.

Йона немедленно позвонил в Лёвенстрёмскую больницу, в судебную психиатрию, поговорил с главврачом Брулином и выяснил: в особом отделении без происшествий. Вальтер сидит в своей камере, и в день, интересовавший Йону, он оставался в полной изоляции.

Йона перезвонил Самюэлю. Голос у друга изменился – теперь он звучал затравленно, как у сумасшедшего.

– Я в лесу, – почти кричал он. – Я нашел машину Ребекки, она стоит посреди дороги, которая ведет на мыс. Но в ней никого нет, никого!

– Уже еду, – не раздумывая, сказал Йона.

Полиция начала активные поиски. Следы Ребекки и детей кончались на грунтовой дороге всего в пяти метрах от брошенной машины. Собаки, потеряв след, бегали взад-вперед, вертелись, но так и не смогли снова взять след. Два месяца искали везде – в лесу, на дорогах, в домах, на дне моря... Когда полиция отозвала спасателей, Самюэль с Йоной продолжили поиски самостоятельно. Искали сосредоточенно, но в душе у них рос страх, становившийся почти невыносимым. О самом главном оба молчали, не осмеливаясь говорить о том, что могло произойти с Йошуа, Рубеном и Ребеккой. Оба своими глазами видели, на что способен Юрек Вальтер.

Глава 29

Все эти месяцы Йона так нервничал, что не мог спать. Он глаз не спускал со своей собственной семьи, привозил и увозил, ввел особые правила для Люми в детском саду, но понимал – этого мало. Он не сможет присматривать за женой и дочерью всю жизнь.

Йоне пришлось взглянуть в глаза своему страху.

Он не мог поговорить с Самюэлем, но обещания молчать с самим собой он не давал.

Юрек Вальтер не покидал больничного отделения.

Кто-то разделил с ним его преступления. Поразительная скромность Вальтера указывала на то, что именно он – руководитель. Когда пропали жена и дети Самюэля, стало ясно: у Вальтера есть сообщник.

Сообщник этот получил задание похитить семью Самюэля – и выполнил его, не оставив следов.

Йона понимал, что его семья – следующая. Если с Суммой и Люми до сих пор ничего не случилось, то это чистая случайность.

Юрек Вальтер не щадил никого.

Йона несколько раз говорил об этом с Суммой, но она не восприняла угрозу всерьез. Она смирилась с мерами безопасности, ибо полагала, что страхи мужа пройдут.

Сначала Йона надеялся, что масштабная полицейская операция по поиску семьи Менделя приведет к поимке сообщника. Несколько недель он чувствовал себя охотником, но сейчас обстоятельства явно изменились.

Он понимал, что его семья стала дичью, и спокойствие, которое он выказывал при Сумме и Люми, было лишь поверхностным.

Было пол-одиннадцатого вечера. Они с Суммой лежали в постели и читали. Вдруг с нижнего этажа донесся какой-то звук, и у Йоны заколотилось сердце. Он знал, что стиральная машина еще не закончила программу, и звук был такой, словно по барабану стукнула застёжка-“молния”, но Йона все же встал и пошел проверить, целы ли окна на нижнем этаже и заперта ли входная дверь.

Когда он вернулся, Сумма уже погасила свой ночник. Она посмотрела на входящего мужа и мягко спросила:

– Что ты делал?

Йона выдавил улыбку и уже собирался что-то сказать, как вдруг послышался топот маленьких ножек. Вошла дочка. Волосы взлохмачены, голубые пижамные штанишки слегка перекручены.

– Люми, тебе пора спать, – прошептал Йона.

– Мы забыли сказать “спойной ночи” кошке.

По вечерам Йона читал дочери сказку, и, прежде чем подоткнуть ей одеяло, нужно было выглянуть в окно и помахать серому коту, спавшему на подоконнике соседской кухни.

– Иди ложись, – сказала Сумма.

– Я сейчас приду к тебе, – пообещал Йона.

Люми что-то буркнула и помотала головой.

– Хочешь, я тебя отнесу? – Йона взял ее на руки.

Девочка крепко обняла его, и он почувствовал, как быстро бьется ее сердце.

– Что такое? Приснилось что-нибудь?

– Я только хотела помахать кошке, – прошептала девочка. – Но там был скелет.

– В окне?

– Нет, он стоял на земле. Там, где мы нашли мертвого ежика... и смотрел на меня...

Йона тут же посадил ее на кровать к Сумме, сказав:

– Посиди здесь.

Он бесшумно сбежал по лестнице, не тратя время на то, чтобы взять из шкафчика пистолет, не обуваясь. Открыл дверь кухни и выбежал в холодную ночь.

Никого.

Йона обежал дом, перелез через забор и оказался на соседнем участке. Везде тишина, ни одна ветка не шелохнется. Он вернулся на задний двор, где они с Люми нашли летом дохлого ежа.

Кто-то, без сомнения, недавно стоял в высокой траве, прямо возле их забора. С этого места можно было без труда заглянуть в комнату Люми.

Йона вернулся в дом, запер дверь, достал пистолет, прошелся по всем комнатам и наконец лег в постель. Люми почти тут же уснула между ним и Суммой, а вскоре заснула и жена.

Глава 30

Йона уже пытался говорить с Суммой о бегстве, о том, чтобы начать новую жизнь, но она никогда не видела Юрека Вальтера своими глазами, не была свидетельницей его преступлений и просто-напросто не считала, что именно Вальтер стоит за исчезновением Ребекки, Йошуа и Рубена.

С лихорадочным вниманием Йона вглядывался в неизбежное. Ледяное острие резало его, пока он обдумывал каждую деталь, каждый пункт своего плана.

Плана, который спасет всех троих.

Государственная уголовная полиция почти ничего не знала о Юреке Вальтере. Тот факт, что семья Менделя исчезла уже после поимки Вальтера, можно было считать главным доказательством наличия сообщника.

Но загадочный помощник не оставил ни единого следа.

Он был тенью тени.

Коллеги твердили, что все безнадежно, но Йона не сдавался. Конечно, он понимал, что найти и схватить невидимого сообщника будет нелегко. Поиски могут занять несколько лет, а Йона всего лишь человек. Он не может искать и одновременно охранять Сумму и Люми – не обеих сразу, не каждую секунду.

Если он наймет двух телохранителей, которые будут следовать за женой и дочерью по пятам, все семейные сбережения испарятся за полгода.

Помощник Юрека ждал несколько месяцев, прежде чем напасть на семью Самюэля. Он явно был очень терпелив и ничего не делал второпях.

Йона пытался найти выход. Бежать, сменить работу, документы и имена, затаиться где-нибудь.

Лишь бы не расставаться с Суммой и Люми.

Но Йона был полицейским и знал, что смена документов – дело ненадежное. Это просто пауза, чтобы перевести дух. Чем дальше убегаешь, тем чаще и дольше такие паузы, но в списке вероятных жертв Юрека Вальтера уже значится человек, пропавший в Бангкоке, бесследно исчезнувший в лифте отеля “Сукхотаи”.

Бежать было некуда.

В ту ночь Йоне пришлось смириться с мыслью, что есть нечто более важное, чем возможность не разлучаться с Суммой и Люми.

Их жизнь – вот что важнее.

Если он бежит, исчезнет вместе с ними, это станет для Вальтера прямым поводом начать поиски.

А если искать, то всегда найдешь того, кто спрятался, рано или поздно, – это Йоне было известно.

Нельзя дать Вальтеру начать поиски, думал он. Это единственная возможность остаться найденным.

Оставалось всего одно решение. Юрек Вальтер и его тень должны поверить, что Сумма и Люми погибли.

Глава 31

Когда Йона подъезжал к Стокгольму по широкому шоссе, поток транспорта уплотнился. Снежинки, покругившись в воздухе, исчезали на мокром полотне дороги.

Ему невыносимо было вспоминать, как он организовал смерть Суммы и Люми, чтобы дать им другую жизнь. Ему помогал тогда Нолен, хоть и не одобрявший идей Йоны. Нолен понимал: если сообщник существует, то они поступили правильно. Но если Йона ошибается, то отыграть назад уже нельзя.

Эти сомнения год за годом ложились слоями скорби на тощую фигуру патологоанатома.

За окном машины промелькнула ограда Северного кладбища, и Йона вспомнил, как опускали в землю урны с прахом Суммы и Люми. Капли дождя со стуком падали на шелковые ленты венков, отскакивали от черных зонтиков.

И Йона, и Самюэль продолжали поиски – каждый по отдельности, не контактируя друг с другом. Разные судьбы сделали их чужими. Через одиннадцать месяцев после исчезновения семьи Самюэль окончил поиски и вернулся на службу. Три недели он терпел боль, а потом сдался. Ранним мартовским утром он отправился в свой летний домик. Спустился на чудесный пляж, где любили купаться его мальчишки, вытащил служебный пистолет, зарядил его одной пулей и выстрелил себе в голову.

Когда Йона услышал об этом от своего начальника, его прошиб озноб.

Через два часа он, дрожа от холода, входил в старый часовой магазин на Руслагсгатан. Магазин давно уже закрылся, но старый часовщик с окуляром в глазу все еще работал, окруженный морем сломанных часов. Йона постучал в стеклянное окошечко в двери и был впущен.

Когда две недели спустя он покидал магазин, он весил на семь килограммов меньше. Он был бледен и так слаб, что каждые десять метров останавливался отдохнуть. Его вырвало в парке, которому позже присвоили имя Моника Цеттерлунд, и на неверных ногах двинулся дальше, к Оденплан.

Йона никогда не думал, что потерял семью навсегда. Ему казалось, что придется быть на расстоянии от жены и дочери, не видеться с ними, не касаться их – какое-то время. Он понимал, что это может продлиться годы, может быть, понадобится несколько армий, но он верил, что сумеет схватить тень Юрека Вальтера. Комиссар рассчитывал, что когда-нибудь сорвет покров с преступлений Вальтера и его сообщника, прольет свет на их деяния и спокойно рассмотрит каждую деталь, – но и за десять лет ушел не дальше, чем за десять дней. Следов было мало, и они никуда не вели. Единственным конкретным доказательством существования помощника стало то, что вынесенный Вальтером Самюэлю приговор был исполнен более чем эффективно.

Официально полиция не усматривала связи между исчезновением семьи Самюэля и Вальтером. Пропажу жены и двух детей полицейского считали несчастным случаем. Похоже, один только Йона продолжал верить, что их похитил сообщник Вальтера.

Йона был убежден в своей правоте, но начинал склоняться к ничьей. Он не станет искать сообщника, зато его жена и дочь останутся живы.

Он прекратил говорить об этом деле, но так как отмахнуться от того, что за ним кто-то приглядывает, было невозможно, Йона оказался обречен на одиночество.

Шли годы, и смерть разыгранная все больше напоминала настоящую.

Он по-настоящему потерял дочь и жену.

Йона остановился позади такси возле главного входа Южной больницы, вылез из машины, пробежал сквозь легкий снегопад и вошел во вращающиеся двери.

Глава 32

Микаэля Колера-Фроста перевели из реанимации Южной больницы в отделение номер шестьдесят шесть, где лежали пациенты с инфекционными заболеваниями – и в острой фазе, и в хронической.

Врач с усталым симпатичным лицом представилась Ирмой Гудвин. Она проводила Йону по коридору с блестящим пластиковым покрытием. Блики света лежали на литографиях в застекленных рамках.

– Общее состояние было очень плохое, – рассказывала Ирма на ходу, – истощение, воспаление легких. В лаборатории в его моче выявили антиген к легионелле, и...

– Болезнь легионеров?

Йона остановился и, как гребнем, провел пятерней по своим взлохмаченным волосам. Глаза стали ярко-серыми, почти как начищенное серебро. Врач поспешила объяснить комиссару, что болезнь не заразна.

– Она связана с особыми местами...

– Я знаю. – Йона двинулся дальше.

Он вспомнил, что у мужчины, найденного в пластиковом баке, диагностировали болезнь легионеров. Чтобы заболеть, человек должен оказаться в месте с зараженной водой. Для Швеции такая болезнь весьма необычна. Бактерии легионеллы размножаются в пыли, в цистернах с водой и в водопроводных трубах при низкой температуре.

– Но он поправится?

– Думаю, да. Я сразу дала ему макролид. – Ирма пыталась приноровиться к шагам долгового комиссара.

– Помогло?

– Потребуется несколько дней – у него все еще высокая температура, существует риск септических эмболий. – Ирма открыла дверь, жестом пригласила комиссара войти, и оба приблизились к пациенту.

Дневной свет падал на мешок капельницы, заставляя его светиться. Худой, очень бледный человек лежал на койке, закрыв глаза и механически бормоча:

– Нет, нет, нет... нет, нет, нет, нет...

Подбородок дрожал, капли пота на лбу собирались в ручейки.

Рядом сидела медсестра. Она тщательно выбирала мелкие осколки из раны в его левой руке.

– Он что-нибудь говорил? – спросил Йона.

– Он постоянно бредит, не так-то легко понять, что он говорит, – ответила медсестра, накладывая на рану компресс.

Потом она вышла, и Йона осторожно наклонился к пациенту.

Комиссар рассматривал заострившийся нос, торчащие скулы, запавшие щеки – и без труда узнавал детское лицо, в которое столько раз вглядывался на фотографии. Нежный рот с вытянутой вперед верхней губой, длинные темные ресницы. Йона помнил самую последнюю фотографию Микаэля. На ней мальчику было десять лет, он сидел за компьютером – челка падает на глаза, на губах спокойная улыбка.

Молодой человек, лежащий на больничной койке, мучительно закашлялся, с трудом вдохнул, не открывая глаз, и зашептал:

– Нет, нет, нет...

Без сомнения, на койке перед комиссаром лежал Микаэль Колер-Фрост.

– Ты в безопасности, Микаэль, – сказал Йона.

Ирма неслышно встала у него за спиной и смотрела на истощенного юношу.

– Я не хочу, не хочу.

Он затряс головой, задергался, напрягся всем телом. Жидкость в трубке капельницы окрасилась кровью.

Микаэль задрожал и тихо заскулил.

– Меня зовут Йона Линна, я комиссар и один из тех, кто искал тебя, когда ты не вернулся домой.

Микаэль чуть приоткрыл глаза, он как будто ничего не видел. Несколько раз моргнул, прищурился на Йону.

– В полиции верили, что я жив...

Он закашлялся и полежал, задыхаясь и глядя на Йону.

– Где ты был, Микаэль?

– Я не знаю, я же не знаю, не знаю, я не знаю, где я, ничего не знаю...

– Ты в Южной больнице, в Стокгольме, – прервал его Йона.

– А дверь заперта? Заперта?

– Микаэль, мне очень нужно знать, где ты был.

– Я не понимаю, что вы говорите, – прошептал юноша.

– Мне нужно...

– Какого хрена вы со мной делаете? – с отчаянием в голосе спросил Микаэль и заплакал.

– Я дам ему успокоительного, – сказала врач и вышла.

– Ты уже в безопасности, – объяснил Йона. – Все здесь помогают тебе...

– Я не хочу, не хочу, я не выдержу...

Микаэль замотал головой и попытался слабыми пальцами вытащить из локтя трубку капельницы.

– Где ты был так долго, Микаэль? Где ты жил? Где прятался? Тебя держали взаперти или...

– Я не знаю, не понимаю, о чем вы говорите.

– Ты устал, и у тебя жар, – тихо сказал комиссар. – Но все же попытайся вспомнить.

Глава 33

Микаэль лежал, дыша как сбитый машиной заяц. Он что-то тихо пробормотал, облизал губы и, взглянув на Йону большими удивленными глазами, спросил:

– Можно ли запереть человека в нигде?

– Нет. Нельзя.

– Правда нельзя? Я не понимаю, не знаю, мне трудно думать, – слабо прошептал юноша. – В памяти ничего не осталось, только темнота... Все, которое – ничто, у меня все перемешалось... Перепуталось все, что внутри и что было вначале, не могу думать, слишком много песка, я даже не знаю, что во сне, а что...

Он закашлялся, опустил голову на подушку и закрыл глаза.

– Ты говорил о чем-то, что было вначале, – напомнил Йона. – Попробуй...

– Не трогайте меня. Я не хочу, чтобы вы меня трогали, – перебил юноша.

– Я и не трогаю.

– Не хочу, не хочу, не хочу, не хочу...

У Микаэля закатились глаза, голова странно, как-то наискось наклонилась, он зажмурился и задрожал.

– Ты в безопасности, – повторял Йона.

Вскоре Микаэль обмяк, кашлянул и поднял глаза на комиссара.

– Можешь рассказать, что было в самом начале? – мягко повторил Йона.

– Когда я был маленький... мы тогда сидели на полу, тесно, – еле слышно проговорил юноша.

– Значит, вначале вас было несколько? – Йона передернулся, и волоски на шее встали дыбом.

– Мы все боялись... я звал маму и папу... и там была взрослая женщина и какой-то старый дядя, на полу... они сидели на полу за диваном... Она успокаивала меня, но... но я слышал, что она все время плачет.

– Что она говорила?

– Не помню, я ничего не помню, наверное, я забыл вообще все...

– Ты только что упомянул о пожилom человеке и о какой-то женщине.

– Нет.

– За диваном, – напомнил Йона.

– Нет, – прошептал Микаэль.

– Помнишь, как ее звали?

Микаэль закашлялся и помотал головой.

– Все только кричали и плакали, а женщина с глазом все время спрашивала про двух мальчиков, – сказал он, и его взгляд обратился куда-то внутрь.

– Помнишь чье-нибудь имя?

– А?

– Помнишь имена...

– Я не хочу, не хочу...

– Мне не хочется волновать тебя, но...

– Все исчезли, все просто исчезли. – Голос Микаэля зазвучал энергичнее. – Все исчезли, все...

Его голос зазвучал прерывисто, различить слова юноши стало невозможно.

Йона еще раз повторил, что все будет хорошо. Микаэль взглянул ему в глаза, но юношу так трясло, что он не мог говорить.

– Ты в безопасности, – повторил комиссар. – Я из полиции, я прослежу, чтобы с тобой ничего не случилось.

В палату вошли Ирма с медсестрой, снова заботливо закрепили на больном кислородную трубку. Сестра ласково объясняла, что она делает, впрыскивая седативную эмульсию через инфузионную систему.

– Ему пора отдохнуть, – сказала она Йоне.

– Мне нужно знать, что он видел.

Ирма склонила голову набок, потирая безымянный палец.

– Это настолько необходимо? Срочно?

– Нет. В общем, нет.

– Тогда возвращайтесь завтра. Я думаю...

У Ирмы зазвонил мобильный телефон, она коротко ответила и торопливо вышла. Йона стоял возле койки Микаэля, слушая, как врач удаляется по коридору.

– Микаэль, что значит – “с глазом”? Ты говорил про женщину с глазом, что ты имел в виду? – медленно спросил он.

– Он был как... как черная капля...

– Зрачок?

– Да, – прошептал Микаэль и закрыл глаза.

Йона смотрел на юношу, чувствуя, как пульс стучит в висках, и хрипло, как-то металлически спросил:

– Ее звали Ребекка?

Глава 34

Микаэль заплакал, когда седативный препарат пошел в кровь. Тело обмякло, плач звучал все более утомленно, потом затих, и юноша соскользнул в сон.

Ощущая странную пустоту внутри, Йона вышел из палаты и вытащил телефон. Остановился, глубоко вздохнул и позвонил Нолену, который тринадцать лет назад проводил вскрытие тел, найденных в Лилль-Янскугене.

– Нильс Олен.

– Ты сейчас за компьютером?

– Йона Линна, как приятно тебя слышать, – загнусил Нолен. – А я тут сидел, жмурился на тепло от экрана. Воображал, будто купил себе солярий для лица.

– Дорогостоящие мечты.

– Курочка по зернышку клюет.

– Не хочешь заглянуть в пару старых протоколов?

– Поговори с Фриппе, он тебе поможет.

– Не пойдет.

– Он знает так же много, как...

– Это касается Юрека Вальтера, – перебил Йона.

Воцарилась долгая тишина. Наконец Нолен угрюмо сказал:

– Я же говорил, что не хочу больше слышать об этом.

– Одна из его жертв выжила.

– Не говори так.

– Микаэль Колер-Фрост... У него болезнь легионеров, но он, видимо, выкарабкается.

– Какие протоколы тебе нужны? – Голос Нолена стал резким от волнения.

– У мужчины из бака тоже была болезнь легионеров. А у мальчика, который лежал с ним, были признаки этой болезни?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Если связь обнаружится, надо составить список мест, в которых есть эти бактерии. И тогда...

– Таких мест миллионы, – перебил Нолен.

– Ладно...

– Йона, пойми... если даже болезнь легионеров упоминается в каких-то старых отчетах, это ни в коей мере не доказывает, что Микаэль – одна из жертв Юрека Вальтера.

– Значит, бактерии легионеллы есть в...

– Да, я обнаружил антитела к бактериям в крови мальчика, у него, вероятно, была лихорадка Понтиак. – Нолен вздохнул. – Я знал, что ты окажешься прав, но того, что ты говоришь, недостаточно для...

– Микаэль Колер-Фрост говорит, что видел Ребекку.

– Ребекку Мендель? – У Нолена задрожал голос.

– Они были заперты в одном помещении.

– Значит... значит, ты во всем был прав. – Нолен как будто готов был заплакать. – Ты не представляешь себе, какое это для меня облегчение. – Он с трудом сглотнул и прошептал: – Мы все-таки поступили правильно.

– Да, – сказал Йона словно в пустоту.

Тринадцать лет назад они с Ноленом поступили правильно, инсценировав автомобильную аварию ради жены и дочери Йоны.

Двух жертв автокатастрофы кремировали и похоронили как Люми и Сумму. С помощью поддельных стоматологических карточек Нолен подменил документы погибших.

Нолен всегда мучился тем, что, помогая Йоне, он поступил неправильно. Он вполне доверял комиссару, но решение далось ему так нелегко, что сомнения никогда не оставляли его в покое.

Йона решил уйти из больницы, только когда в палате Микаэля заступили на дежурство двое полицейских в форме. В коридоре, уже направляясь к выходу, он позвонил Натану Поллоку и сказал, что кто-нибудь должен съездить к отцу юноши.

– Я уверен, что это Микаэль и что все эти годы он был пленником Юрека Вальтера.

Комиссар сел в машину, долго выкруливал с больничной стоянки. “Дворники” счищали снег с лобового стекла.

Микаэль пропал без вести в десять лет, а бежать ему удалось только в двадцать три.

Бывает, что таким узникам удается бежать – как Элизабет Фриц в Австрии, которая двадцать четыре года провела в подвале своего отца в качестве секс-рабыни. Или Наташа Кампуш, сбежавшая от своего похитителя через восемь лет.

Йона думал, что Микаэль, как Элизабет Фриц и Наташа Кампуш, наверняка видел своего тюремщика.

Вдруг в конце туннеля забрезжил свет? Всего через несколько дней, когда Микаэль достаточно придет в себя, он наверняка сможет показать дорогу к месту, где его держали все эти годы.

Под колесами грохнуло, когда Йона переехал сугроб и обогнал автобус. Проезжая мимо Дворянского собрания, он увидел, что город снова открылся, с густым снегопадом между черными небесами и темной водой потока.

Разумеется, сообщник знает, что Микаэль сбежал и может выдать его, думал Йона. Вероятно, он уже пытается замести следы и сменить укрытие, но если Микаэль приведет полицейских к месту своего заключения, эксперты сумеют найти зацепки, и охота начнется.

Они были еще далеки от этого, но сердце у Йоны в груди уже билось быстрее.

Мысли так стремительно сменяли друг друга, что комиссару пришлось съехать на обочину моста Васабрун и остановить машину. Какой-то водитель раздраженно засигналил.

Йона вылез из машины, поднялся на тротуар и втянул холодный воздух глубоко в легкие.

Ужалила мигрень. Комиссар пошатнулся и оперся на перила. На мгновение зажмурился, подождал, ощутил, как боль становится глуше, и снова открыл глаза.

Белые снежинки, миллион за миллионом, падали с неба и бесследно исчезали в черной воде, словно их и не было.

Это пока были всего лишь мысли, но комиссар знал, о чем они. Даже тело отяжелело от осознания.

Если ему удастся схватить сообщника Вальтера, ничто больше не будет угрожать Сумме и Люми.

Глава 35

В бане было слишком жарко, чтобы говорить. Золотистый свет лежал на голых телах и светлом сандаловом дереве. Воздух разогрелся до девяноста семи градусов и обжигал легкие. Капли пота срывались с носа Рейдара и падали на поросшую седыми волосами грудь.

Японская журналистка по имени Мицуо сидела на лавке рядом с Вероникой. Тела у обеих покраснели и блестели. Пот стекал между грудей, по животу и на волосы лобка.

Мицуо серьезно смотрела на Рейдара. Она явилась из Токио, чтобы взять у него интервью. Рейдар приветливо ответил, что не дает интервью, но что от всей души просит ее присоединиться к вечернему мероприятию. Вероятно, она надеялась выудить у него несколько слов о том, возможно ли создание манги по романам серии “Санктум”. У Рейдара она жила уже четыре дня.

Вероника вздохнула и ненадолго закрыла глаза.

Собираясь в баню с Вероникой и Рейдаром, Мицуо не сняла золотую цепочку, и Рейдар заметил, что цепочка обжигает ей кожу. Мари посидела минут пять, потом ушла в душ, а теперь и японка покинула баню.

Вероника наклонилась и оперлась локтями о колени, дыша полуоткрытым ртом. С сосков капал пот.

Рейдар чувствовал к ней что-то вроде хрупкой нежности. Но он не знал, как объяснить ту пустыню, которую он носил в себе. Все, что он делал, во что бросался, – просто случайные, на ощупь поиски того, что поможет ему пережить следующую минуту.

– Мари ужасно красивая, – сказала Вероника.

– Да.

– Большая грудь.

– Прекрати, – буркнул Рейдар.

Вероника посмотрела на него, и ее лицо посерьезнело.

– Почему я не могу просто развестись...

– Тогда между нами все кончено, – перебил Рейдар.

Глаза Вероники наполнились слезами, она хотела что-то сказать, но тут вернулась Мари и, фыркнув, уселась рядом с Рейдаром.

– Господи, как жарко, – выдохнула она. – Как вы тут сидите?

Вероника плеснула из ковшика на камни. Сильно зашипело, горячий пар клубами поднялся вверх и на несколько секунд окутал их. Потом стоячий воздух снова наполнился сухим жаром.

Рейдар качнулся вперед, оперся на колени. Волосы у него на голове так нагрелись, что руку почти обожгло, когда он запустил в них пальцы.

– Так нельзя, – выдохнул он наконец и сполз с лавки.

Обе женщины последовали за ним, прямо в мягкий снегопад. В ранних сумерках снег переливался светло-синим.

Тяжелые снежинки, кружась, опускались на землю, а трое голых людей возились в сугробах свежеевыпавшего снега.

Давид, Вилле и Берселиус обедали с прочими членами правления стипендиального фонда “Санктум”, и застольные песни слышались даже здесь, на заднем дворе усадьбы.

Рейдар обернулся, посмотрел на Веронику и Мари. От покрасневших тел поднимался пар, их вуалью окутывал туман, вокруг которого падал снег. Рейдар хотел было что-то сказать, но тут Вероника нагнулась и швырнула в него снежок. Рейдар, смеясь, отступил, споткнулся, упал на спину и провалился в рыхлый снег.

Он лежал на спине, слушал, как женщины смеются.

Снег ощущался как освобождение. Тело еще горело после бани. Рейдар смотрел прямо в небо, снег завораживающе падал прямо из середины творения. Кружащееся вечно белое.

Воспоминание застало Рейдара врасплох. Как он снимает с детей комбинезоны. Вспомнил их холодные щеки, мокрые от пота волосы. Запах сушилки и мокрых ботинок.

Тоска по детям была так сильна, что ощущалась физически.

Рейдару захотелось остаться одному – лежать в снегу, лежать и потерять сознание. Умереть в объятиях воспоминаний о Фелисии и Микаэле. О том, как когда-то у него были сын и дочь.

Он с трудом поднялся и оглядел белые поля. Мари и Вероника со смехом повалились в снег, разведя руки и ноги – так, что в снегу остались отпечатки в форме двух ангелов.

– Сколько времени продолжается праздник? – прокричала ему Мари.

– И говорить о нем не хочу, – буркнул Рейдар.

Он подумал, что надо уйти, напиться как следует и влезть в петлю, но на пути у него стояла, широко расставив ноги, Мари.

– Ты никогда не хочешь разговаривать, я ничего не знаю, – усмехнулась она. – Я даже не знаю, есть ли у тебя дети...

– Да отстань ты от меня! – выкрикнул Рейдар, обходя ее. – Чего тебе вообще надо?

– Прости...

– Отвали, – жестко сказал он и скрылся в доме.

Обе женщины, дрожа от холода, побежали назад, в баню. С обеих текло, вокруг них сомкнулся жар, словно никогда и не исчезал.

– Что с ним? – спросила Мари.

– Он делает вид, что живет, но чувствует себя мертвым, – просто ответила Вероника.

Глава 36

Рейдар надел новые брюки с двойными лампасами и легкую рубашку. Мокрые волосы щекотали шею. В каждой руке у него было по бутылке “Шато Мутон-Ротшильд”.

Утром он поднимался наверх, чтобы снять веревку с балки, но когда подошел к двери, его переполнило какое-то болезненное томление. Он постоял, положив пальцы на дверную ручку, заставил себя повернуться, спустился и разбудил приятелей. Разлили водку с пряностями по конусообразным бокалам, ели вареные яйца с русской икрой.

Рейдар босиком вышел в коридор с черными портретами.

Снег, падавший за окном, создавал не прямой свет, за стеклом повисла бледная мгла.

В читальне, уставленной блестящей кожаной мебелью, он остановился и выглянул в огромное окно. Вид был сказочный – словно Матушка Метелица подула снегом на землю, на яблоневые деревья, на поля.

Вдруг в длинной аллее, ведущей от ворот к гравийной площадке перед домом, замигал свет. Осветившиеся ветки деревьев казались кружевными. Стало видно, что приближается машина. Габаритные огни делали пляшущий за ней снег красноватым.

Рейдар не мог вспомнить, приглашал ли он еще кого-нибудь.

Он решил было, что о новых гостях позаботится Вероника, и тут увидел, что это полицейская машина.

Рейдар подумал, поставил бутылки на комод, спустился, натянул стоявшие у двери зимние ботинки на войлочной подкладке и вышел на холодный воздух. Машина уже стояла на площадке перед домом.

– Рейдар Фрост? – спросила женщина в гражданском, выходя из машины.

– Да.

– Мы можем войти?

– Можно и здесь поговорить.

– Не хотите сесть в машину?

– Я так плохо выгляжу?

– Мы нашли вашего сына. – Женщина шагнула к нему.

– Понятно. – Рейдар пожал руку молчавшему до сих пор второму полицейскому.

Он вздохнул, почувствовал запах снега – воды, замерзшей в кристаллические звездочки высоко в небе. Потом собрался и с отсутствующим видом отпустил руку молчаливого полицейского.

– Так где он лежал? – спросил он странно спокойным голосом.

– Он шел по мосту...

– Что ты несешь, женщина?! – взревел Рейдар.

Женщина отступила. Она была высокой, на спине лежал густой “хвост”.

– Я пытаюсь сказать вам, что он жив.

– Где он? – спросил Рейдар, непонимающе глядя на нее.

– Лежит в Южной больнице, под наблюдением врачей.

– Это не мой сын, мой умер много...

– Абсолютно точно он.

Рейдар уставился на нее потемневшими глазами:

– Микаэль жив?

– Он вернулся.

– Мой сын?

– Я понимаю, это звучит странно, но...

– Я верил...

Когда женщина из полиции сказала, что совпадение ДНК – сто процентов, у Рейдара задрожал подбородок. Земля ушла из-под ног, прогнулась, и он схватился за воздух.

– О господи боже, – прошептал он. – Спасибо, господи...

Рейдар широко улыбнулся. С истерзанным видом он поднял глаза на падающий снег, чувствуя, как дрожат ноги. Полицейский хотел подхватить его, но Рейдар упал на одно колено и повалился на бок, успев только опереться на руку.

Ему помогли подняться. Рейдар вцепился в руку полицейского. Вероника босиком сбегала по ступенькам. Она накинула на себя зимнее пальто Рейдара.

– Вы уверены, что это он? – прошептал он, глядя в глаза женщине из полиции.

Та кивнула:

– Только что нам сообщили о стопроцентном совпадении. Это Микаэль Колер-Фрост, и он жив.

К Рейдару подошла Вероника, поддержала его, когда он следом за полицейскими направился к машине.

– Рейдар, что случилось? – испуганно спросила она.

Рейдар взглянул на нее. Лицо озадаченное, он как будто разом постарел.

– Мой мальчик... – только и смог он выговорить.

Глава 37

Светящиеся сквозь густой снегопад далекие корпуса Южной больницы напоминали надгробия.

Сидя в машине, Рейдар лунатическими движениями застегнул рубашку и заправил ее в брюки. Он слышал переговоры полицейских – пациент, опознанный как Микаэль Колер-Фрост, переведен из отделения интенсивной терапии в палату, – но события все еще происходили словно в параллельной реальности.

Если кто-то действительно умирает, а тело так и не находят, в Швеции его близкие через год могут ходатайствовать о том, чтобы объявить его умершим. Рейдар шесть лет ждал, когда найдут тела его детей, а потом подал ходатайство.

Центральное управление по налогам и регистрации граждан приняло его заявление. Решение о признании Микаэля и Фелисии Колер-Фрост умершими огласили, и через полгода оно вступило в силу.

И вот Рейдар следом за одетой в гражданское женщиной из полиции шел по длинному коридору. Он не помнил, в какое именно отделение они направляются, он просто шел за ней, не отрывая глаз от пластиковых ковриков на полу и пересекающихся следов, оставленных колесами каталок.

Рейдар пытался уговорить самого себя не слишком надеяться, ведь полиция могла и ошибиться.

Тринадцать лет назад его дети, Фелисия и Микаэль, пропали, отправившись вечером к приятелю поиграть.

Водолазы обшарили всю Лилла-Вертан от Линдшера до Бьёрндалена. В первые дни было организовано прочесывание местности, в воздух подняли вертолеты.

Чтобы упростить и ускорить поиски, Рейдар оставил полиции фотографии, отпечатки пальцев, зубные карты и образцы ДНК обоих детей.

Проверили всех известных правонарушителей, но, по окончательной версии полиции, кто-то из детей упал в холодную мартовскую воду, а второго утащило на дно, когда он пытался спасти первого.

По секрету Рейдар обратился в детективное бюро, чтобы изучить другие возможные следы, в первую очередь – ближайшее окружение детей: учителей, воспитателей, футбольного тренера, соседей, почтальона, водителей автобусов, садовника, продавцов из ближайших магазинов, официантов кафе – вообще всех, с кем контактировали дети, по телефону или в интернете. Проверили родителей одноклассников и даже родственников самого Рейдара.

Полиция прекратила поиски. Детективное агентство проверило каждого человека с самой дальней периферии в окружении детей. Через некоторое время Рейдар начал понимать, что все кончено. Но еще долго он каждый день приходил к морю в надежде, что волны вынесут на берег его детей.

Рейдар и светловолосая женщина из полиции подождали, пока кровать с пожилой дамой вкатят в лифт. Подошли к дверям отделения, надели голубые бахилы.

Рейдар пошатнулся, оперся о стену. Несколько раз ему казалось, что он теряет сознание, но ему удавалось не провалиться в черноту.

Они с женщиной из полиции прошли по отделению, мимо медсестер в белом. Рейдар ощущал, как где-то внутри него затянулся жесткий узел, но продолжал быстро шагать следом за провожатой.

Он улавливал тихий гул, исходивший от других людей, но внутри него самого царила странная тишина.

Палата номер четыре располагалась в глубине коридора. Рейдар задел тележку с ужином, упали несколько поставленных одна на другую чашек.

Войдя в палату и увидев лежащего в койке юношу, Рейдар словно выпал из реальности. В руку юноши был вставлен катетер, в нос – кислородная трубка. Мешок с инфузионным раствором висел на капельнице, рядом с белым пульсоксиметром, соединенным с указательным пальцем левой руки.

Рейдар остановился и провел рукой по губам, чувствуя, что теряет контроль над лицом. Реальность вернулась, оглушила чувствами.

– Микаэль, – осторожно позвал Рейдар.

Молодой человек медленно открыл глаза, и Рейдар увидел, насколько он похож на мать. Рейдар тихо положил ладонь на щеку сына. Губы у него так дрожали, что ему было трудно говорить.

– Где же ты был? – спросил он, чувствуя, что по щекам текут слезы.

– Папа, – прошептал Микаэль.

Лицо сына было пугающе бледно, глаза – измученные. Тринадцать лет прошло, и детское лицо, оставшееся в памяти Рейдара, превратилось в мужское, но так исхудало, что Рейдар вспомнил, как сын, родившийся недоношенным, лежал в инкубаторе.

– Теперь я снова стану счастливым, – прошептал Рейдар, глядя сына по голове.

Глава 38

Диса наконец вернулась в Стокгольм. Сейчас она ждала Йону в его квартире, на верхнем этаже дома номер тридцать один по Валлингтан. Комиссар направлялся домой. Он купил треску. Сегодня на ужин – жареная рыба с соусом ремулад.

На тротуаре возле перил, где никто не ходил, было сантиметров двадцать снега. Уличные фонари и фары машин светили, как в тумане.

На Каммакаргатан Йона слышал вдалеке возбужденные голоса. Темная сторона города. Тени от сугробов и припаркованных машин. На понурых спинах домов – ручейки растаявшего снега.

– Нет, ты мне отдашь мои деньги! – хрипло кричал какой-то мужчина.

Вдалеке маячили две фигуры. Они медленно ворочались возле перил Далатраппан. Йона двинулся вперед.

Двое мужчин устали друг на друга, ссутулившись. Оба пьяные, злые. Один был одет в клетчатую стеганую куртку и меховую шапку.

– Говносос, – хрипел он, – чертов...

Второй, заросший бородой, был в черном плаще, швы которого разошлись на плечах. Бородатый размахивал перед собой пустой винной бутылкой.

– Ты мне отдашь деньги с процентами, – повторил он.

– *Kiskoa korkoa*, – ответил второй и сплюнул кровью в снег.

Атлетически сложенная женщина лет шестидесяти наклонилась к синему пластмассовому ящику, откуда брали песок посыпать лестницу. Огонек сигареты мелькал у ее одутловатого лица.

Мужчина с бутылкой, пытаясь, отошел под большое дерево с заснеженными ветвями. Второй, пошатываясь, двинулся за ним. Выскочило лезвие ножа, блеснуло. Бородатый отпрянул назад, ударил второго бутылкой – прямо по макушке. Бутылка разбилась, с меховой шапки дождем посыпались зеленые осколки. Рука Йоны сама потянулась за пистолетом, хотя комиссар знал, что пистолет лежит в оружейном шкафчике.

Человек с ножом пошатнулся, но не упал. Второй выставил перед собой “розочку” с острыми краями.

Послышался крик. Йона побежал через набросанный снег и глыбы льда, сорвавшиеся с водосточных труб.

Бородатый поскользнулся и упал на спину, зашарил рукой по металлическим перилам лестницы.

– Мои деньги, – повторил он и закашлялся.

Йона сдвинул к себе снег с припаркованной машины, слепил снежок.

Мужчина в клетчатой куртке и с ножом, пошатываясь, приближался к лежащему:

– Я тебя выпотрошу и набью деньгами...

Йона бросил снежок и попал человеку с ножом в шею. Снежок с сухим звуком разлетелся от удара.

– *Perkele*, – сказал от неожиданности человек с ножом и обернулся.

– Играем в снежки, ребята! – воскликнул комиссар и слепил новый снежок.

Человек с ножом посмотрел на него, и его мрачные глаза засветились.

Йона бросил снежок в лежащего, попал прямо в грудь, снег попал бородатому на лицо.

Человек с ножом взглянул на него и злорадно рассмеялся:

– *Lumiukko*.

Лежащий швырнул в него снегом. Второй отступил, спрятал нож и слепил снежок. Бородатый, шатаясь, поднялся и вцепился в перила.

– В снежки у меня отлично получается, – пробормотал он заплетающимся языком и слепил снежок.

Человек в клетчатой куртке прицелился во второго, но вдруг развернулся, бросил снежок в Йону и попал в комиссару в плечо.

Несколько минут снежки летели во всех направлениях. Йона поскользнулся и упал. Клетчатый потерял свою шапку, его неприятель мигом схватил ее и набил снегом.

Женщина захлопала в ладоши и тут же получила снежком в лоб. Снежок не упал, и у женщины на лбу выросла белая шишка. Клетчатый захохотал во всю глотку и сел прямо в кучу старых новогодних елок. Человек в клетчатой куртке ногой взрыхлил снег, пнул в сторону противника, но продолжать уже не мог. Пыхтя, он повернулся к Йоне и спросил:

– Ты откуда взялся?

– Из уголовной полиции. – Йона отряхнул с себя снег.

– Из полиции?

– Вы забрали моего ребенка, – пробормотала женщина.

Йона подобрал меховую шапку, стряхнул с нее снег и передал человеку в стеганой куртке.

– Спасибо.

– Я видела падающую звезду, – продолжала рассказывать пьяная, глядя Йоне в глаза. – Видела, когда мне было семь лет... и загадала, что ты сгоришь в аду и будешь вопить, как...

– Придержи язык, – прохрипел мужчина в стеганой куртке. – Хорошо, что я не пырнул брата...

– Отдай мои деньги! – улыбаясь, прокричал второй.

Глава 39

Когда Йона вошел, в ванной горел свет. Йона приоткрыл дверь. Диса лежала в пенной ванне, закрыв глаза, и что-то чуть слышно напевала. На полу кучей валялась ее перепачканная одежда.

– Я думала, тебя посадили в тюрьму, – сказала Диса. – Уже приготовилась присматривать за твоей квартирой.

Зимой делом Йоны занималась прокуратура – отдел по делам полиции. Йону обвиняли в том, что он сорвал долго проводившуюся слежку и подверг риску жизнь полицейских из Службы безопасности.

– Я, безусловно, виновен. – Комиссар поднял одежду с пола, положил в стиральную машину.

– Я это с самого начала говорила.

– Да...

Глаза у него вдруг потемнели, словно небо перед дождем.

– Еще что-то?

– День был долгий. – Комиссар прошел на кухню.

– Не уходи.

Он не вернулся. Диса вылезла из ванны, вытерлась, надела тонкий халатик. Бежевый шелк облепил разгоряченное тело.

Когда она вошла, Йона поджаривал маленькие длинные картофелины.

– Так что случилось?

Йона коротко взглянул на нее:

– Вернулась одна из жертв Юрека Вальтера... Все это время его удерживали.

– Значит, ты оказался прав – у Вальтера есть сообщник.

– Да, – вздохнул комиссар.

Диса подошла к нему, легко положила руки ему на грудь.

– Ты можешь поймать его?

– Надеюсь, – серьезно ответил Йона. – У меня не было возможности как следует поговорить с мальчиком, он страшно истощен. Но он мог бы привести нас туда.

Йона отставил сковородку, повернулся и посмотрел на Дису.

– Что? – У нее сделался испуганный вид.

– Диса, соглашайся участвовать в бразильском проекте.

– Я уже говорила, что не хочу, – выпалила Диса и только потом сообразила, что он имел в виду. – Не говори так. Мне наплевать на Вальтера, я не боюсь, я не позволю страху управлять собой.

Йона нежно отвел упавшие ей на лицо мокрые волосы.

– Очень ненадолго, – сказал он. – Пока я не разберусь с этим делом.

Она положила голову ему на грудь, слушая глухие сдвоенные удары.

– Такого, как ты, нет и не будет, – просто сказала она. – Когда ты жил у меня после несчастья с твоей семьей, тогда, знаешь... ты стал частью моего мира, я... потеряла свое сердце, как говорится... но это правда.

– Я просто боюсь за тебя.

Диса погладила его руку, шепча, что не хочет никуда ехать. Ее голос прервался – комиссар прижал ее к себе и поцеловал.

– Но мы же давно встречаемся. – Диса посмотрела ему в лицо. – Если сообщник Вальтера, который нам угрожает, существует, то почему ничего не происходит? Неувязка...

– Я знаю, и я согласен с тобой, но все же... Я должен выследить и поймать его. Сейчас все решается.

Диса почувствовала, как рыдания поднимаются к горлу. Она проглотила слезы и отвернулась. Когда-то она дружила с Суммой. Так они и встретились. И когда его жизнь полетела под откос, Диса оказалась рядом с ним.

Когда комиссару стало совсем невыносимо, ему пришлось перебраться жить к Дисе.

Он спал у нее на диване. Каждую ночь Диса слышала, как он ворочается, и понимала: он знает, что она лежит без сна в соседней комнате. Он смотрел на дверь ее спальни, думая: вот она лежит там, недоумевая и печальась его отстраненности, его холодности. И в одну прекрасную ночь он встал, оделся и покинул ее дом.

– Я останусь, – прошептала Диса и вытерла слезы.

– Тебе надо уехать.

– Почему?

– Потому что я люблю тебя. Знай это...

– И ты думаешь, после таких слов я уеду? – спросила она, широко улыбаясь.

Глава 40

На одном из больших мониторов – Юрек Вальтер. Словно зверь в клетке, он ходит кругами по дневной комнате – прошел мимо дивана, свернул налево, бредет вдоль стены, мимо телевизора. Обогнул беговую дорожку, ушел влево, потом направился в свою камеру.

Андерс Рённ увидел его на одном и тут же – на другом экране.

Юрек умылся и, не вытираясь, сел на пластмассовый стул. Он не сводил глаз с двери, ведущей в коридор, а вода капала ему на рубашку и высыхала.

Мю сидела в кресле оператора. Она взглянула на часы, подождала полминуты, посмотрела на Вальтера, отметила зону в компьютере и отперла дверь дневной комнаты.

– Сегодня у него на ужин рубленая котлета... он любит, – сказала она.

– Правда?

Андерс уже начал думать, что действия, совершаемые ежедневно с этим, одним-единственным, пациентом, столь однообразны, что трудно было бы отличить один день от другого, если бы не совещание наверху, в отделении номер тридцать. Другие врачи рассказывали о своих пациентах, о планах лечения. Никто даже не ждал, пока он повторит, что ситуация в отделении не меняется.

– Ты когда-нибудь говорила с пациентом? – спросил Андерс.

– С Юреком? Это запрещено, – ответила Мю, почесывая татуированную подмышку. – Он просто... говорит вещи, которые невозможно забыть.

Андерс не разговаривал с Вальтером с того самого первого дня. Он только следил за тем, чтобы пациенту делали инъекции нейролептика.

– Ты не знаешь, как тут с компьютером? – спросил Андерс. – Не могу разлогиниться и выйти из системы медицинских записей.

– Значит, домой не пойдешь.

– Но...

– Я пошутила. Здесь компьютеры вечно виснут...

Мю встала, взяла со стола бутылку фанты и вышла в коридор. Юрек на мониторе перед Андерсом так и сидел неподвижно, раскрыв глаза.

Не так уж здорово выполнять профессиональные обязанности глубоко под землей, за бронированными дверями и шлюзами. Но Андерс напомнил себе, что его мечта – работать близко к дому и проводить вечера с Агнес – сбылась, и последовал за Мю. Он расслабленно шагнул по коридору, где уже погасили свет. Когда Мю вошла в светлый кабинет, он увидел, что сквозь белую ткань форменных брюк у нее просвечивают красные трусы.

– Посмотрим, посмотрим, – пробормотала она, садясь на стул и выводя компьютер из “спящего” состояния. С довольной физиономией она принудительно закрыла программу и залогинилась по новой.

Андерс сказал “спасибо”, поинтересовался, кто работает ночью, и попросил ее заполнить передвижную аптечку, если успеет.

– Не забудь потом подписать список лекарств, – сказала Мю и ушла.

Андерс повернул в другой коридор и вошел в раздевалку. В отделении царила тишина. Он не знал, что двигало им, когда он открывал шкафчик Мю и дрожащими руками шарил в спортивной сумке. Осторожно отложил влажную футболку и серые тренировочные штаны и нашел пропитанные потом трусики. Вытащил, прижал к лицу, глубоко вдохнул запах Мю. Вдруг ему пришло в голову, что если Мю уже вернулась на свой пост, то может видеть его на одном из мониторов.

Глава 41

Когда Андерс вернулся домой, в доме было тихо и свет в комнате Агнес не горел. Он запер входную дверь и прошел на кухню. Петра стояла у мойки и вытирала чашу блендера.

На ней была удобная домашняя одежда: великоватая ей футболка с надписью *Chicago White Sox* и желтые лосины, которые она поддернула до колен. Андерс подошел сзади, обнял ее, вдохнул запах ее волос и нового дезодоранта. Жена не обернулась, но он обхватил ее руками, погладил тяжелую грудь.

– Как Агнес? – спросил он, выпуская ее.

– Получила в садике самую лучшую оценку, – широко улыбнулась Петра. – Там есть один мальчик, пришел на прошлой неделе, он явно влюблен в нее... Не знаю, насколько это взаимно, но она утверждает, что он подарил ей детальку от “Лего”.

– Да, это любовь. – Андерс сел.

– Устал?

– Я бы выпил вина. Хочешь? – спросил он.

– Хочу?

Жена взглянула ему в глаза и улыбнулась так, как не улыбалась уже давно.

– Ну что такое? – спросил он.

– Читаешь мои желания? – прошептала она.

Андерс кивнул, и жена посмотрела на него заискрившимися глазами. Оба молча прошли в спальню. Андерс запер дверь, ведущую в коридор, Петра тем временем откатила зеркальную дверь платяного шкафа и выдвинула ящик. Она подняла стопку белья и достала пластиковый пакет.

– Так вот где ты прячешь игрушки?

– Не смущай меня, – ответила Петра.

Андерс откинул покрывало, и Петра вытряхнула на кровать содержимое пакета, который они купили после того, как она прочитала “Пятьдесят оттенков серого”. Андерс достал мягкую веревку, связал жене руки, протаскил веревку между прутьями кровати, потянул (жена оказалась лежащей на спине с руками над головой) и внахлест набросил веревку на столбики изножья. Петра извивалась, сжав ноги, пока он стаскивал с нее колготки и трусы.

Потом он снова ослабил веревку, набросил петлю на левую лодыжку жены, намотал веревку на столбик кровати, потом на другой и накинул еще одну петлю на правую ногу.

Осторожно потянул за веревку так, что ноги Петры медленно раздвинулись.

Петра смотрела на мужа, ее щеки пылали.

Вдруг он дернул сильнее, и ее ноги оказались раздвинутыми на максимальную ширину.

– Осторожнее, – быстро сказала она.

– Лежи и молчи, – жестко сказал он и увидел, что жена довольно улыбается.

Андерс закрепил веревки, задрал футболку жене на лицо, чтобы та его не видела. Грудь жены задрожала, когда она помотала головой, пытаясь сдвинуть футболку с лица.

Освободиться было невозможно – она оказалась беспомощной, руки за головой, ноги раздвинуты настолько широко, что стало больно в промежности.

Андерс стоял, смотрел, как она трясет головой, и его сердце билось все быстрее и тяжелее. Он медленно расстегнул брюки. Промежность жены уже увлажнилась и блестела.

Глава 42

Войдя в палату, Йона увидел, что возле кровати Микаэля сидит немолодой мужчина. Комиссар почти сразу понял, что видит Рейдара Фроста. В последний раз они виделись много лет назад, и Рейдар сильно постарел с тех пор. Юноша спал, Рейдар сидел рядом, держа его руку в своих.

– Вы тогда не верили, что мои дети утонули, – приглушенно сказал он.

– Не верил.

Рейдар скользнул взглядом по лицу спящего Микаэля, повернулся к Йоне и сказал:

– Спасибо, что не рассказали об убийце.

Подозрения, что Микаэль и Фелисия Колер-Фрост стали очередными жертвами Юрека Вальтера, усиливались тем, что он и раньше похищал детей, а также тем, что Йона с Самюэлем увидели его у дома, где жила мать Микаэля и Фелисии.

Йона рассматривал узкое лицо молодого человека: редкая щетина на подбородке, ввалившиеся щеки, капли пота блестели на лбу – у юноши был жар.

Слова Микаэля о том, как все было в самом начале, подумал Йона. О времени, когда их было много и когда мальчик видел Ребекку Мендель. А ведь это – первые недели заключения Юрека Вальтера.

После этого он просидел взаперти больше десяти лет. Но ему удалось бежать – значит, это место вполне можно найти.

– Я никогда не прекращал поиски, – вполголоса сказал Йона Рейдару.

Рейдар посмотрел на сына, и его рот сам собой расплылся в улыбке. Рейдар не первый час сидел на этом стуле, но никак не мог насмотреться на свое дитя.

– Врачи говорят, он поправится, обещают, они обещают, что с ним все будет в порядке, – хрипло проговорил он.

– Вы говорили с ним? – спросил Йона.

– Ему дают много обезболивающего, и он почти все время спит, но врачи говорят, что это нормально, что ему это нужно.

– Конечно.

– Он выкарабкается... и психически тоже. Даже если это растянется надолго.

– Он что-нибудь говорил?

– Он шептал мне что-то, но я не расслышал, – сказал Рейдар. – Как будто бредил. Но он меня узнал.

Йона понимал, насколько важно поговорить о случившемся как можно скорее, запустить машину. Воспоминания – решающая часть лечебного процесса. Микаэлю понадобится какое-то время, но его не оставят в покое. Спрашивать будут все требовательнее, а риск того, что перенесший травму человек закроется окончательно, есть всегда.

Да и спешить пока некуда, повторял себе Йона.

На то, чтобы восстановить картину событий, могут уйти месяцы, но самый важный вопрос надо задать уже сегодня.

Я должен понять, известно ли Микаэлю о сообщнике, подумал он, чувствуя, как тяжело забилося сердце.

Если только он знает имя или назовет отчетливую примету – кошмару конец.

– Мне надо поговорить с ним, как только он проснется, – сказал комиссар. – Всего два-три конкретных вопроса, хотя ему и это может оказаться трудновато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.